

ЛУЧШАЯ РОМАНТИЧЕСКАЯ ПРОЗА 2019
ПО ВЕРСИИ ЖУРНАЛА «OPAH MAGAZINE»

18+

Я обещал
любить ее.
Но могу лишь
ненавидеть

Нежное БЕЗУМИЕ

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРОВ USA TODAY

Л.ДЖ. ШЭН

Л. Дж. Шэн
Нежное безумие
Серия «Freedom. Интернет-
бестселлеры Л. Дж. Шэн»
Серия «Школа Всех Святых», книга 1

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57400527
Нежное безумие: Эксмо; Москва; 2021
ISBN 978-5-04-111273-8

Аннотация

Пенн

Говорят, что месть – это блюдо, которое подают холодным.
Я украл ее первый поцелуй.
Она забрала единственную вещь, которую я любил.
Я был беден.
Она – богата.
Знаете, что самое лучшее в этих обстоятельствах? Они могут
меняться. Быстро.
Теперь я ее сосед. Ее мучитель. Капитан футбольной команды,
которую она так ненавидит.
Она заплатит за то, что уничтожила радость моей жизни.

Дарья думает, что стала королевой. Я докажу ей, что она всего лишь испорченная принцесса.

Дарья

Все любят бесцеремонных хулиганов.

А каково быть самой популярной? Несмотря на циничные комментарии, тебе приходится идти по головам тех, кто ранит тебя.

Пенна это тоже касается. Я подпустила его слишком близко, а потом уничтожила.

Четыре года назад он мечтал стать моим «первым».

Сейчас больше всего на свете я хочу быть его «последней».

Пенн сказал мне, что в этом мире за все нужно платить.

Он не солгал.

Содержание

Пролог	8
Глава первая	38
Глава вторая	63
Глава третья	71
Глава четвертая	95
Глава пятая	113
Конец ознакомительного фрагмента.	117

Л. Дж. Шэн

Нежное безумие

© Силаева Ж.А., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

*Посвящается первой любви и последним важным
словам*

*А также Саре Грим Сенц, которая влюбилась
в Пенну и Дарью до того, как у них появился шанс
влюбиться друг в друга, а еще Ариадне Басулто,
самой настоящей калифорнийской девчонке*

*Мы должны были стать лучшими друзьями,
Но оказались заклятыми врагами...*

Пенн

Говорят, что месть — это блюдо, которое подают холодным.

У меня было четыре года, чтобы разобраться и переварить все, что Дарья Фоллоуил сделала со мной, и сейчас мое сердце абсолютно ледяное.

Я украл ее первый поцелуй.

Она забрала единственную вещь, которую я любил.

Я был беден.

Она – богата.

Знаете, что самое лучшее в обстоятельствах? Они могут меняться. Быстро.

Сейчас я блестящий проект ее родителей.

Ее сосед. Ее мучитель. Капитан футбольной команды соперников, которую она так ненавидит.

О да, детка, скажи это – я твой сводный брат.

Она заплатит за уничтожение единственного хорошего, что было в моей жизни, и ей придется серьезно раскошелиться на слезы.

Дарья Фоллоуил думает, что она королева. Я докажу ей, что она ничего собой не представляет, всего лишь испорченная принцесса.

Дарья

Все любят старых добрых бесцеремонных хулиганов.

А каково быть стервой? О, ты получишь за каждый язвительный комментарий, циничное закатывание глаз и за то, что ставишь подножки на пути своим врагам.

Но есть кое-что в высоких каблуках – они оставляют адскую вмятину, когда ты идешь по головам тех, кто ранит тебя.

В случае Пенна Скалли я пронзала его сердце до тех пор,

пока он не начал истекать кровью, а потом выбросила на помойку в один теплый летний день.

Четыре года назад он просил, чтобы я подарила ему все свои «первые разы».

Сейчас он живет через коридор, и больше всего я хочу остаться его «последней».

На прощание он сказал мне, что в этом мире не бывает ничего бесплатного.

Сейчас? Сейчас он заставит меня заплатить сполна.

Основная песня:

«I feel like I'm drowning» – Two Feet

Плей-лист:

«Too Young» – Zeds Dead

«Cute Without the „E”» – Taking Back Sunday

«Who Knew» – Pink

«Solo Amigos» – Maniako

«Right Above it» – Lil Wayne

«Killing in the Name» – Rage Against the Machine

«If You're Feeling Sinister» – Belle and Sebastian

«Tainted Love» – Soft Cell

Пролог

Все началось с лимонада, а закончилось моим сердцем.

Вот, мой безрассудный соперник, как началась наша испорченная история.

Четырнадцать лет

Дарья

Плитка дрожит подо мной синхронно с толпой балерин, скачущих позади. Их шаги словно глухие удары артиллерии.

Каштановые, черные, прямые, рыжие и кудрявые волосы повсюду. Они сливаются, словно радуга из стрижек и причесок. Но я ищу только одну-единственную блондинку, голову которой хочется разбить о старый пол.

Надейся, что ты не здесь сегодня, сучка.

Замерев, я стою на пороге балетной студии моей матери, бледно-розовый купальник впивается прямо в ребра. Белая спортивная сумка болтается на плече. Кожа на затылке горит из-за тугого пучка. Каждый раз, когда я распускаю волосы, мои золотые локоны клочьями падают на пол в ванной. Я постоянно говорю маме, что это все из-за того, что с моими волосами слишком много возятся, но это чушь. И если бы она хоть раз наплевала на все это – по-настоящему, а не притворялась, – она бы узнала обо всем.

Я, подергивая ногами в пуантах, сглатываю нарастающий ком беспокойства. Вии здесь нет. *Слава Марксу!*

Девочки проносятся мимо, толкая меня в плечо. Их хихиканье отдается где-то в животе. Спортивная сумка падает с плеча с глухим стуком. Все мои одноклассники стройные, вытянутые и гибкие, с идеально ровной осанкой, словно восклицательный знак. Я? Я маленькая и с фигурой вопросительного знака. Всегда неуверенная в себе, застывшая на грани срыва. Выражение лица не стоическое и величественное; оно постоянно подводит меня и слишком непредсказуемое. Кто-то не умеет скрывать свои чувства, у меня написано все на лице. Я улыбаюсь во все тридцать два зуба, когда я счастлива, но я всегда довольна, когда моя мама смотрит на меня.

«Тебе следует заниматься гимнастикой или чирлидингом, милая. Это подходит тебе намного больше, чем балет».

Да, иногда она говорит вещи, которые подрывают самооценку. На ее поверхности теперь есть выбоина в форме этих слов, где я сдерживаю свой гнев.

Мелоди Грин Фоллоуил – бывшая балерина, которая сломала ногу на первой неделе в Джульямской школе¹ в восемнадцать лет. С самого рождения от меня ждали, что я стану балериной. И к моему «везению», я исключительно плоха в этом.

Вошла Виа Скалли.

¹ Крупнейшее высшее заведение США в области искусства и музыки.

Четырнадцатилетняя Виа такая, какой я стремлюсь стать. Высокая, стройная, с ослепительно-светлыми волосами. Но хуже всего то, что на фоне ее прирожденного таланта мои движения выглядят как оскорбление всему танцевальному миру.

Три месяца назад Виа получила приглашение на пробы из Королевской академии балета. Четыре недели назад она их прошла. Ее преуспевающие родители не смогли выкроить время из-за работы, так что моя мама буквально ухватилась за шанс полететь с ней на неделю в Лондон. Сейчас целый класс ждет новости о том, решится ли Виа учиться в Королевской академии балета. Ходят слухи, что все уже решено. Даже украинский танцор Алексей Петров – шестнадцатилетний самородок, которого считают Джастином Бибером в мире балета, – выложил фото в Инстаграм после ее проб.

Жду с нетерпением создания волшебства вместе.

Неудивительно слышать про волшебство, которое может создавать Виа. Она всегда была ведьмой.

– Милая, перестань топтаться у входа. Ты загораживаешь проход, – монотонно проговорила мама, не поворачиваясь ко мне. Я могла видеть ее отражение в огромном зеркале от потолка до пола. Она хмуро смотрела на список присутствующих, оглядываясь на дверь и ожидая прихода Вии.

Прости, мама. Здесь всего лишь твой отпрыск.

Виа всегда опаздывает, но мама, которая обычно ненавидит непунктуальность, спускает ей это с рук.

Я наклонилась поднять спортивную сумку и вошла в студию. Сияющий балетный станок обрамляет комнату, панорамные окна открывают вид на красоту центра города Тодос-Сантос с его великолепной роскошью. Персиковые скамьи украшают зеленые улицы, кристально-голубые башни сверкают на линии горизонта, где океан целует небо.

Я услышала, как скрипнула дверь, и зажмурилась. *«Пожалуйста, только не ты».*

– Виа! Мы как раз ждали тебя, – щебетание мамы словно выстрелило мне в спину из звукового пистолета, и я покатила кубарем от шока. Вздохи пронеслись по комнате. Я схватилась за станок, удерживая себя от падения. Покраснев, я взялась за него одной рукой и сползла в небрежном плии.

– Милая, будь так добра, освободи место для Вии, – промурлыкала мама. *«Как символично, мамуля, я бы тоже хотела, чтобы Виа освободила для меня место».*

Конечно, ее величество самородок не надела сегодня костюм для занятий балетом, хотя у нее был привезенный из Италии гимнастический купальник, о котором другие девочки могли только мечтать. Абсолютно ясно, что Виа из безумно богатой семьи, потому что даже обеспеченные люди не готовы выложить двести баксов за базовый купальник. Кроме моей мамы, которая, вероятно, понимала, что мне никогда не стать настоящей балериной, и наименьшее, что она могла сделать – одевать меня подобающе.

Сегодня на Вии короткая футболка с птичкой Твити и

рванные легинсы. У нее красные глаза, а волосы в полном беспорядке. Она что, даже не пыталась привести себя в порядок?

– Милая, – бросила она мне с высокомерной ухмылкой.

– Щенок, – я резко ответила ей.

– Щенок? – фыркнула она в ответ.

– Я бы назвала тебя сучкой, но признай, у тебя еще нет зубов, чтобы кусаться как следует.

Я поправила туфли, сделав вид, что мы закончили наш разговор. Но все совсем не так. Она завладела всем временем моей матери, встала на моем пути еще до того, как я начала огрызаться. Виа посещает другую школу в Сан-Диего. Она утверждает, что это из-за того, что ее родители считают детей в Тодос-Сантосе слишком опекаемыми и испорченными. А по их мнению, дочь должна расти среди настоящих людей.

А знаете, что самое обманчивое в жизни? Пытаться казаться тем, кем ты не являешься на самом деле. Я осознаю тот факт, что я изнеженная принцесса. Осудите меня (давайте, я смогу постоять за себя).

– Подойди ко мне после занятия, Ви, – произнесла мама, повернувшись к магнитофону. Ви (Ви!) воспользовалась моментом и вытянула ногу, больно наступив мне на палец.

– Упс, кажется, ты не одна такая неуклюжая, Дарья.

– Я бы пожелала тебе сдохнуть, но боюсь, что мама заставит меня пойти на твои похороны, а такая мелочь не стоит моего времени.

– Я бы сказала тебе поцеловать мой зад, но боюсь, что это уже сделала твоя мамочка. Ах, если бы она любила тебя хотя бы наполовину от того, насколько сильно она любит меня. Хотя это прикольно; в конце концов, у тебя есть деньги на психолога. И на ринопластику, – ухмыляясь, она похлопала меня по спине, и я ненавижу, ненавижу, ненавижу тот факт, что она симпатичнее.

Оставшийся час занятия я не могла сосредоточиться. Я не глупая, я знаю, что мама любит меня больше, чем Вию, несмотря ни на что, но я также знаю – это потому что так и должно быть.

Спустя вечность занятие закончилось. Девочки парами плавно потянулись к лифту.

– Дарья, дорогая, сделай одолжение и принеси нам что-нибудь из «Старбакс». Я буду в малой комнате для девочек, нам надо кое-что обсудить с Ви.

Мама похлопала меня по плечу, а затем изящно вышла из студии, оставив витать в воздухе аромат ее любимого парфюма. Она пожертвовала бы все органы, лишь бы ни один волосок не упал со студентов. Мама окутывает любовью балерин, заставляя меня сгорать от ревности.

Я схватила мамину сумку и развернулась до того, как успела обменяться, как говорит папа, «любезностями» с Виа.

– Ты бы видела выражение ее лица на моих пробах, – протянула Виа, стоящая у зеркала позади меня. Гибкая, словно акробат, она точно смогла бы обернуться вокруг моей шеи

и придушить до смерти. — Мы произвели фурор. Она сказала, что, судя по всему, я хотя и не единственная, но все-таки буду их лучшей ученицей. Это словно... — она пощелкала пальцами, подбирая слова. Я видела ее в отражении зеркала, но не спешила поворачиваться. Слезы предательски задрожали на кончиках ресниц. — Это словно искупление. Ты не можешь быть балериной просто потому, что это ты. Но я — это я. Так что, по крайней мере, она любовалась тем, кого любит.

Папа говорит, что внутри меня живет Халк, он становится больше и больше, когда я испытываю ревность, иногда он вырывается наружу и делает то, что Дарья просто не способна совершить. Он говорит, что ревность — это дань, которую посредственность платит гению, а я совершенно не посредственная девушка.

Короче говоря, я с ним не согласна.

Я всегда была популярной и всегда боролась за свое место под солнцем. Но я также думаю, что я обычная. А Виа особенная, она сияет настолько ярко, что сжигает все на своем пути. Я всего лишь пыль под ногами, я раздавлена, выжата и яростна, как Халк.

Никто не хочет быть плохим человеком. Но некоторые, например я, просто ничего не могут с собой поделаться. Слеза скатилась по щеке, я обрадовалась, что мы одни в комнате. Я повернулась лицом к Вии:

— Да что с тобой не так?!

– Что не так? – вздохнула она. – Ты просто испорченная принцесса, пустышка, ты отвратительно танцуешь. Как только у самой Мелоди Грин Фоллоуил мог родиться кто-то настолько обделенный талантом?

Мне захотелось заорать: «Я не знаю! Никто не мечтает родиться в семье гения. Маркс, благослови Шона Леннона за то, что он выжил».

Я бросила взгляд на ее дорогушие пуанты, вскинув бровь: – Не делай вид, что я здесь единственная принцесса. – Ты пустоголовая, Дарья! – она тряхнула головой. – По крайней мере, я не дура. – Я пыталась сохранять спокойствие, но все мое тело дрожало.

– Да ты даже не можешь занять первую позицию! – воскликнула Виа, вскинув руки вверх. И она не ошибалась, что злило меня еще больше.

– И снова: какое тебе дело?! – прорычала я.

– Да потому что ты просто занимаешь долбаное место, вот почему! Пока я лезу из кожи вон, ты просто получаешь место в классе, так как твоя мама учитель.

Это мой шанс рассказать ей правду.

То, что я из кожи вон лезу еще сильнее как раз потому, что не уродилась балериной. Но вместо этого мое сердце разбилось на мелкие кусочки. Я резко развернулась и бросилась вниз к пожарному выходу, перепрыгивая через две ступени, вывалившись прямо в калифорнийскую жару. Любая другая девушка повернула бы налево и скрылась в парке Либерти,

но я пошла направо, в «Старбакс» по той причине, что не могу – и не хочу – разочаровать маму еще сильнее. Посмотрев по сторонам, убедившись, что никого нет, я наконец вспомнила о сумке, что висит у меня на плече уже больше часа. Я встала в очередь, достала мамин кошелек, вытирая рукавом слезы. Вдруг что-то упало на пол.

Это был свежий конверт с нашим домашним адресом, но имя, написанное на нем, заставило меня замереть.

Сильвия Скалли.

Нервно вздохнув, я открыла письмо, не думая о том, что оно адресовано не мне. Один вид имени Виа над моим адресом заставил меня захотеть орать до тех пор, пока не рухнут стены здания. Первое, что я заметила, – знак в самом верху:

Королевская академия балета

Мои глаза зависли на одной строке, как зажеванная пленка кассеты:

Письмо о принятии.

Письмо о принятии.

Письмо о принятии.

Виа принята в академию. Я должна была обрадоваться тому, что она исчезнет с моих глаз долой, но вместо этого я ощутила во рту кисловатый привкус зависти.

У нее есть все: родители, деньги, слава, талант. Но самое главное – безусловное внимание моей мамы.

У нее есть все – у меня ничего. Мой внутренний Халк стал

настолько огромным, что стало сложно дышать.

Путь в новую жизнь в одном конверте. Жизнь Вии зависит от бумаги. От бумаги в моих руках.

– Детка? Малыш? – тон баристы, который даже не намекал на то, что я детка или малыш, вывел меня из оцепенения. – Чего вы желаете?

Чтобы Виа умерла.

Я сделала заказ и скользнула в угол зала, где прочла письмо еще тысячу раз. Будто слова могут чудесным образом измениться.

Пять минут спустя я забрала два напитка и вышла на улицу. Добравшись до ближайшего мусорного бака, я поставила холодный чай, чтобы он не мешал держать письмо. Вероятно, мама хотела открыть его вместе с Виа, а я лишила их этой маленькой возможности.

Извините, что прерываю этот священный момент.

– Поставь напиток, и никто не пострадает, – ошарашил меня тягучий, словно мед, голос. Моя рука замерла над баком. Это парень, и довольно молодой. Я застыла на месте, не уверенная, что поняла правильно. Он опустил подбородок чуть ниже, но я не смогла четко рассмотреть лица из-за поношенной кепки с логотипом Райдерс. Он, высокий и тощий – почти пугающий, – скользит ко мне, словно бенгальский тигр. Если бы он нашел способ передвигаться по воздуху, то даже не обременял бы себя такой обыденной вещью, как мышечный тонус.

– Мы собираемся это выбросить? – он указал на холодный чай.

Мы?! Черт побери, не может быть и речи об этом.

Я двинулась к нему с чаем. Пусть забирает этот тупой напиток себе. Боже. Он прерывает мой нервный срыв чаем.

– В этом мире не бывает ничего бесплатного, глазастик.

Я зажмурилась, желая, чтобы он испарился отсюда. Этот засранец реально меня сейчас обозвал глазастиком? Да я хотя бы не выгляжу как скелет в отличие от некоторых. Мои размышления снова вернулись к Вии. Почему мама получила письмо на наш домашний адрес? Его нельзя было отправить сразу домой к Вии? Может, мама вообще удочерит ее?!

Я подумала о своей сестре Бейли. Ей всего лишь девять, но она уже зарекомендовала себя как одаренная танцовщица. Если Виа переедет в Лондон, может, она поспособствует, чтобы мама отправила в Академию балета и Бейли? Когда-то велись разговоры, что я должна подать туда заявление, пока не стало ясно, что скорее я стану пекарем в Панера, чем балериной. Я начинаю склеивать по кусочкам эту провальную реальность.

Что, если мне пришлось бы переехать в Лондон, видеть, как обе девочки добиваются успеха, пока я тону в своей бездарности?

Бейли и Виа могли бы стать лучшими подругами.

Я была бы вынуждена жить в вечно дождливом и сером городе.

Мы бы расстались с друзьями детства: с Воуном, Найтом и Луной.

В конце концов Виа окончательно заняла бы мое место в мамином сердце.

Хмम्म, нет уж, спасибо.

Не в этот раз, черт подери.

Пока я молчала, парень сделал шаг мне навстречу. Я не испугалась, хотя... может, стоит? На нем грязные джинсы – я имею в виду настоящую грязь, а не ту, которую наносят специально, – а также синяя футболка на два размера больше, с дырой на левой груди размером с маленький кулак. Там была надпись, сделанная маркером и явно женским почерком; *там подпись?* – Адриана. Хотелось бы мне знать, насколько милее меня эта Адриана.

– Почему ты называл меня глазастиком? – Я сильнее сжала письмо в руке.

– Потому что, – он наклонил голову настолько низко, что я разглядела лишь его бледно-розовые, немного пухлые губы. Он обладал до такой степени глубоким голосом, что я ощущала какую-то приятную боль в груди. Не знаю почему, но обычно парни моего возраста противны мне. От них пахнет пищей, которая неделями стоит на солнце. – Потому что у тебя такие глаза, глупышка. Знаешь, что тебе нужно?

Чтобы мама перестала напоминать мне, что я неудачница?

Чтобы Виа исчезла навсегда?

Чтобы ты отвалил от меня, чувак.

Я сунула руку в мамину сумку и достала из кошелька десять долларов. Парень выглядит так, словно ему срочно необходимо поесть. Хотя бы он взял их до того, как спустится мама и начнет задавать неудобные вопросы. Я не должна разговаривать с незнакомцами, особенно такими, которые будто ковырялись на свалке в поисках еды.

– Морской камешек. – Он показал на меня рукой, игнорируя деньги и напиток.

– Тот самый, который ты откопал на Этси?² – я хмыкнула.

Отлично, я такая же странная.

– Хах, там один хлам! Оранжевый морской камень. Вот что офигенно. Я нашел такой на пляже на прошлой неделе и загуглил, оказалось, что это одна из самых редчайших вещей в мире. Ты в курсе?

– Зачем же ты отдаешь такую ценность незнакомке? – я закатила глаза.

– А почему бы и нет?

– Эм, алло, забываешься? Разве не ты сказал, что ничего в этом мире не бывает бесплатно?

– А кто сказал, что это бесплатно? У тебя ПМС сегодня?

– Вот только не надо об этом!

– Хорошо, не будем о месячных. Но тебе точно нужен друг прямо сейчас, и я готов занять эту должность. Я даже приоделся, взгляни. – Он пригладил непрезентабельную одежду

² Популярный сайт по продаже старинных и самодельных изделий.

с извиняющейся улыбкой.

Тепло снова разлилось в моей груди, словно теплый воск. Я обнаружила, что злость можно ощущать физически. Мне ужасно захотелось пнуть этого парня. Он флиртует? *Флиртует*. Парень с дыркой в футболке.

– Ты хочешь стать моим другом?! – Я разразилась смехом. – Слишком наивный? Кто так говорит?

– Я. Я так говорю. И я никогда не был наивным. – Он одернул футболку, поднял медленно голову выше, открывая большую часть лица. Римский профиль, как говорит моя мама, и челюсть, слишком квадратная для моего ровесника. Все черты лица острые, вероятно, он будет привлекательным мужчиной, но сейчас парень больше похож на анимешного героя. Могучий Макс.

– Слушай, ты будешь брать деньги или напиток? Моя мама придет с минуты на минуту.

– И?

– И она не должна увидеть нас вместе.

– Из-за моего внешнего вида?

Пффф.

– Нет, потому что ты мальчик. – Мне не хочется быть с ним жестокой, хотя обычно я такая. Особенно с парнями. Особенно с такими симпатичными лицами и сладкими голосами.

Мальчишки могут учуять запах разбитого сердца с другого континента. Даже в четырнадцать. Даже в середине невин-

ного летнего дня. У каждой девочки есть невидимая струнка внутри, которая отвечает только определенным парням.

Этот парнишка... он уничтожит ее, если я позволю ему.

– Возьми камушек. И дай мне что-нибудь взамен. – Он протянул мне раскрытую ладонь, я взглянула на маленький уродливый камень. Моя ладонь сжала письмо так, что зашуршала бумага.

Парень полностью поднял голову, и наши глаза встретились. Он изучает меня с глубоким интересом, словно я произведение искусства, а не человек. Мое сердце отбивает бешеный ритм, а в голове крутятся глупые мысли. Вы когда-нибудь замечали, как надежно укрыто сердце под ребрами? Это безумие. Будто наше тело знает, насколько оно хрупкое и как сильно нуждается в защите. Перед глазами начали плясать белые пятна, и он проплывает где-то против течения.

– Что в письме?

– Мой самый страшный кошмар.

– Дай сюда! – Он приказал, и я поддалась. Не знаю почему. Скорее всего, по причине того, что я так хотела от него избавиться. Я хотела причинить самую сильную боль Вии. Я хотела расстроить маму. *Господи, что со мной?* Я ужасный человек.

Его глаза все еще смотрят на меня, пока он разрывает конверт на мелкие кусочки и бросает в мусорку, словно конфетти. У него темно-зеленые глаза, глубокие, словно густой лес в туманный день. Хочется окунуться в них и убежать в са-

мую чашу. Что-то произошло во мне в тот самый момент.

– Ты не отсюда, – сказала я. Слишком невинный. Слишком хороший. Настоящий.

Он потрянул головой:

– Миссисипи. Семья моего отца оттуда. Кстати, одолжишь мне что-нибудь? – повторил он, практически умоляя.

Зачем ему что-то от меня?

Что ж, он имеет право попросить что-то взамен.

Я не двигалась, замерла на месте. Взамен я протянула ему холодный чай. Он взял его, сократив расстояние между нами, открыл крышку и вылил все содержимое на разорванное письмо. Вдруг он прижался ко мне. Мы сплелись воедино. Сердце к сердцу.

– Закрой глаза.

Его голос стал хриплым, томным и совершенно другим. Я сдалась.

Я знала, что это случится, а самое главное, я сама позволила этому случиться.

Мой первый поцелуй.

Я всегда думала, что все произойдет с футболистом, певцом или со студентом по обмену из Европы. С кем-то, кто выходит за рамки моего маленького мира, отредактированного фильтрами в Инстаграме. Не с парнем с дырой в футболке. Но я нуждалась в этом. Нуждалась почувствовать себя нужной, привлекательной и желанной.

Его губы едва касаются, неровное дыхание щекочет. Я

ощущаю тепло на своих губах, бейсболка задевает лоб, и то, каким образом он скользит поцелуем, заставляет меня неуверенно сжать губы. Я забыла, как дышать, положила руки ему на плечи, незнакомое, нарастающее желание внутри заставляет меня попробовать его на вкус. Мы соприкасаемся ртами, забирая воздух друг у друга. Мы все делаем неправильно. Я приоткрываю губы, впуская его. Он открывается навстречу мне. Сердце бешено колотится, я ощущаю, как кровь бежит по венам, как вдруг он произносит:

– Не сейчас. Я возьму и это, но не сейчас.

Стон разочарования срывается с моих губ.

– Что же ты попросишь взамен, если я всего лишь взяла у тебя камешек?

– Сохрани для меня все свои первые разы, – прошептал он где-то между ухом и губами, после чего отстранился.

Не хотелось открывать глаза, я желала закончить начатое. Но он решил за нас двоих. Я перестала ощущать тепло его тела еще в тот момент, когда он сделал шаг назад.

Мне так и не хватило храбрости узнать его имя.

Десять, пятнадцать, двадцать секунд прошло.

Веки затрепетали сами по себе, тело подводило меня.

Он ушел.

Сбитая с толку, я облокотилась на мусорный бак, теребя ручку от маминой сумки. Через пять секунд мама схватила меня под руку и повела в «Рэндж Ровер». Ноги не слушались меня, а голова кружилась.

Синяя футболка? Бейсболка? Нежные губы? Это все, что я о нем помню?

– А, вот ты где. Спасибо за кофе. Холодного чая не было сегодня?

Я так и не смогла ответить ей, мы забрались в машину и пристегнули ремни. Мама копалась в сумочке Prada, поставив ее на подлокотник.

– Хм, мне показалось, что я достала из ящика четыре письма, а не три.

Вдруг меня осенило – *она не знает!* Виа поступила, но она даже не в курсе, что за письмо пришло сегодня. А потом этот парень разорвал его, потому что оно расстроило меня...

Судьба. Судьба. Судьба.

Два года назад папа решил, что он устал слушать, как три женщины ноют в доме «О господи!», поэтому нам пришлось заменить слово «*господи*» на «*Маркс*», в честь Карла Маркса, чувака, который был атеистом или что-то типа того. И вот Бог или Маркс – *кто-то из них* — послал этого парня помочь мне. Если он, конечно, был настоящим. Вдруг я придумала его, чтобы оправдать свой поступок.

Я достала зеркальце и нанесла немного блеска для губ, сердце бешено стучало.

– Мама, ты такая рассеянная. Если бы ты уронила письмо, то заметила бы.

Мама нахмурилась, затем кивнула. За минуту, пока она заводила машину, я поняла две вещи:

Первое – она ждала этого письма с замиранием сердца.

Второе – она опустошена.

– Милая, пока я не забыла, я купила тебе тот блокнот, который ты так хотела.

Мама достала кожаный ежедневник в черном футляре и вручила его мне. Я обнаружила его раньше, но не могла и предположить, что это что-то для меня. Она всегда отвлекалась, покупая Вии любые подарки.

Пока мы ехали в тишине, на меня нашло озарение.

Здесь я буду записывать все свои грехи.

Здесь я похороню все мои печали.

Я закрыла зеркало и сунула руки в карманы толстовки, как вдруг нащупала что-то маленькое и твердое. Вытащила и взглянула с восхищением.

Оранжевый морской камешек.

Он отдал мне его, даже если бы я не приняла его.

Сохрани для меня все свои первые разы.

Я закрыла глаза, и огромная слеза медленно скатилась по моей щеке – он был настоящим.

Вопрос: кто отдает самую драгоценную вещь девчонке, которую он даже не знает?

Ответ: этот придурок прямо перед вами. Сделайте мне футболку с надписью «Я тупой» и со стрелкой, ведущей прямо ко мне между ног.

Я бы мог продать эту дурацкую вещицу и погасить кредит за мобильный телефон Вии. Но, увы, корабль уже пошел ко дну. И я могу лишь наблюдать со стороны, как он тонет.

Самое худшее то, что я знал, что ничего из этого не выйдет. Мне четырнадцать, и я целовался только с двумя девчонками. У обеих был огромный язык и слишком обильное слюноотделение. Но эта выглядела так, будто у нее маленький язык, так что я не мог пройти мимо и не выяснить.

Но в ту самую минуту, когда наши губы соприкоснулись, я понял, что не могу сделать этого. Она выглядела депрессивной. Грустной. Навязчивой? Я не знаю, черт побери. Может, у меня просто кишка тонка. Может, тот факт, что я наблюдал за ней три раза в неделю издалека, парализовал меня.

Эй, как вы вырубаете поток мыслей? Мне надо, чтобы они заткнулись. Сейчас!

Мой друг Кэннон передает мне сигарету на веранде нашего дома. С тех пор как еда стала дефицитом у нас, я беру все, что лежит на столе.

Кучка подражателей-гангстеров в красных банданах переходит на нашу сторону улицы, ведя питбультерьеров и держа магнитофоны, из которых играет агрессивный испанский

рэп. Их собаки лают, пытаюсь сорваться с поводков, а Кэннон лает на них в ответ. Он настолько высокий, что может задеть головой долбанный самолет. Я затачиваюсь и передаю сигарету Камило.

– Я одолжу тебе пятьдесят баксов, так что ты можешь позвонить, – откашлялся Камило. Он огромный, загорелый, и у него уже приличная щетина на лице. Выглядит так, будто он чей-то мексиканский дед.

– Не надо никому звонить! – завопила моя сестра-близняшка, лежащая лицом вниз на траве недалеко от нас. Будто она надеется, что солнце сожжет ее дотла.

– Вы все оглохли?! Или как? Я на это не подписывалась.

– Мы возьмем деньги, – проигнорировал я. Мы обязаны позвонить в балетную школу, это все ради нее. Она не должна оставаться здесь. Это не безопасно.

– Я люблю тебя, Пенн, но ты самая настоящая заноза в заднице, – подвела итог близняшка и бросила в нашу сторону кусок газона, который она вырвала, даже не поднимая головы. Она поблагодарит меня потом, когда станет знаменитой и богатой – ведь балерины много зарабатывают? – а я остаюсь здесь, с моими глупыми друзьями, курю и пускаю слюни на местных девчонок Тодос-Сантоса. Может, мне не придется стоять и торговать наркотой. Есть то, в чем я делаю успехи: спорт и особенно борьба. Тренер говорит, что я должен потреблять больше белка, если хочу, чтобы мои мышцы росли, а также больше углеводов для набора массы. Но это

вряд ли произойдет в ближайшем будущем, ведь все большая часть денег уходит на автобусные билеты до балетной школы моей сестры.

Я провожаю ее, так как чертовски волнуюсь, если она ездит одна. Особенно зимой, когда очень рано темнеет.

– Мне казалось, что ты говорил о том, что у твоей сестры прекрасно все получается? Каким образом она не поступила? – промямлил Кэннон, проводя рукой по своим длинным дредам, виски у него выбриты. Я ударяю его по руке с такой силой, что он падает в кресло, не издав ни звука, держась за свой крепкий бицепс.

– Я думаю, она должна продемонстрировать нам свои умения. Давай скорее, Виа. Покажи, как ты двигаешься.

Кам включил «Milkshake» Келиса на мобильнике, смял упаковку от жвачки и запустил прямо в голову Вии.

Ее рыдания прекратились, сменившись гробовым молчанием. Я оборачиваюсь к Камило, потирая подбородок, заматываюсь и ударяю его прямо в челюсть, отчетливо слыша ее хруст.

Подскочив с травы, Виа побежала в дом и захлопнула за собой дверь. Не уверен, что это хорошая идея – сидеть в гостиной, когда Рэтт дома и жалуется на то, что он уставший и голодный. Сестра, вероятно, снова поругается с ним и прибежит на веранду, поджав хвост. Мама выше того, чтобы вмешиваться, но даже если она это и делает, то всегда становится на сторону своего парня. Даже когда он использует купаль-

ник, подаренный учительницей Вии, чтобы протереть туфли. А делает он это специально, чтобы вывести ее из себя. В такие дни она ходит на занятия в рваных легинсах и поношенной футболке, рыдая всю дорогу в автобусе. А он в это время дрожит в общественном туалете парка Либерти.

– Дай мне полтинник, – я протянул ладонь и повернулся к Кэму. Он покорно вложил купюру в руку. Я собираюсь купить самый большой бургер себе и Вии, пополнить счет ее телефона, чтобы она могла позвонить миссис Фоллоуил.

Я направился в Ин-энд-Аут, Камило и Кэннон последовали за мной, словно тени. Потрескавшийся бетон и росписи мертвых подростков обрамляли улицу. Пальмы сгорбились от бремени нищеты и повисли над пожелтевшими, словно больные зубы, зданиями.

Уже спустя двадцать минут, чувство удовлетворения от бумажного пакета в руке, заполненного сочными бургерами и картофелем фри, переполняет меня. Виа забудет обо всех своих переживаниях, когда увидит все это. Я открыл дверь, и то, что я увидел, заставило уронить пакеты на пол.

Парень матери растянулся на моей сестре, лежащей на диване, его жирный живот вывалился ей на грудь. Он бьет ее по лицу, его волосатая грудь блестит от пота, а рука сгибается каждый раз, когда он это делает. Рваные джинсы расстегнуты, ширинка спущена вниз. Она хрипит и кашляет, пытается сделать вдох. Недолго думая, я бросаюсь к ним и снимаю его с нее. Лицо сестры окровавлено, она еле выдавливает из

себя, что он дешевый ублюдок, а он кричит, что она воровская тварь. Я хватаю Рэтта за воротник его рубашки и отталкиваю подальше от Вии. Он покачивается и падает на пол. Я ударяю его в лицо с такой силой, что хруст сломавшейся челюсти раздается по всей комнате. Его голова отскакивает, ударяясь о пол. Я бросаюсь к Вии, но вижу лишь спину, которая выскальзывает за дверь. Успеваю схватить ее за руку, но она вырывается. Что-то мягко падает на пол между нами. Я поднимаю: это что? Зуб? Господи боже. Он выбил ей зуб!

– Прости, – ее голос приглушен из-за крови во рту, – я не могу, не могу, Пенн.

– Виа! – кричу я.

– Пожалуйста, – умоляет она, – отпусти меня.

Я пытаюсь догнать ее, поскальзываясь на следах крови, которые оставляет за собой Виа. Даже мои руки полностью покрыты кровью. Я замедляюсь у открытой двери, готовый выбежать. Как вдруг меня втаскивают обратно и бросают на диван:

– Не так быстро, засранец. Твоя очередь!

Я закрываю глаза и позволяю всему идти своим чередом, понимая, почему Вии пришлось сбежать.

Дом там, где сердце.

Прошло три дня после побега Вии.

И два с половиной дня с тех пор, как мне удалось хоть что-то поесть, чтобы меня не стошнило (пиво же считается, да?).

После того как Рэтт избил ее за кражу мобильного телефона и попытку позвонить в Лондон, я не удивлен, что она не вернулась. Уверен, это лучше, чем трахаться с Рэттом. Виа обычно очень осторожна с ним, так как она девушка. То был момент слабости с ее стороны и стоил ей гораздо больше, чем она была готова заплатить.

В надежде, что она объявится, я весь пятничный день провел, шатаюсь около балетной студии. Вдруг она осталась ночевать в доме учительницы? Кажется, они были близки, хотя довольно сложно сказать, ведь Виа надевала маску каждый раз, когда мы пересекали черту города Тодос-Сантос на автобусе. И меня трясло от того факта, что она так и не вышла на связь, убеждая себя, что у нее есть на это причина.

В шесть часов девочки, одетые во все розовое, начали медленно выходить из здания. Сунув руки в карманы, я остановился у черного блестящего Range Rover и ждал учительницу. Она покинула здание последняя, смеясь и прощаясь

с толпой учеников. Рядом с ней шла девушка. А если быть точным: именно та, которую я поцеловал. А еще точнее – девчонка, по которой я схожу с ума весь год. Она прекрасна, словно экспонат из музея. А самое печальное – недостижимая. Они заметили меня на полпути. Глаза девушки округлились в удивлении, и она осмотрелась, пытаясь понять, есть ли свидетели нашего разговора. Вероятно, она подумала, что я здесь ради нее.

– Привет, – сказала она и заправила прядь волос за ухо. Она взглянула в сторону миссис Фоллоуил, всем видом показывая, что не знает, кто я такой.

– Привет, – ответил я, параллельно убивая бабочек в животе: сейчас не то время и место, – мадам, моя сестра Виа, она ваша ученица. Я не видел ее уже три дня.

Учительница ошеломленно вскинула брови, будто я ей только что сказал, что оставил кучу дерьма на капоте ее тачки. Она сказала блондинке подождать в машине, схватила меня за руку и потащила в переулок. Скрывшись между двумя зданиями, она приказала мне сесть и начала разговор.

– Я звонила ей по пять раз в день, оставила кучу сообщений, – прошептала она мне прямо в лицо. – Я хотела сказать, что ее приняли в Королевскую академию балета. Когда письмо так и не пришло, я позвонила туда лично. Ее уже ждут. Об оплате можете не беспокоиться, как я и говорила ранее: я за все заплачу.

Вздых вырвался из меня. Все ее будущее прямо здесь, а

она может валяться где-нибудь в канаве. Проклятье, Виа. Черт тебя побери, неуловимая четырнадцатилетка.

– Прекрасно, мадам, спасибо вам за услугу, за которую ей никогда не расплатиться, если мы не найдем ее, – немного съязвил я. Сказав «мы», я имел в виду только себя. Мама никогда не будет этим заниматься – она никогда не обременяла себя заботой о случайном отпрыске от наркомана, – а Рэтт несказанно обрадуется новости, что теперь надо кормить на один рот меньше. Когда нам позвонили из школы, я просто соврал, что Виа у моей тети, а мама лишь подтвердила, когда завуч заявился к нам домой. С ненормальной прической, сигаретой во рту, словно это была кислородная маска, мама даже не поинтересовалась – правда ли это. Если я позвоню в полицию, то они упрячут нас обоих в детский дом. Может, вместе, но я сомневаюсь. Я не могу позволить этому случиться, мы не должны разлучаться с Вией.

Миссис Фоллоуил уставилась на меня с таким выражением, будто она подхватила кишечный грипп. Скорее всего, ее поразили тон, с которым я обратился к ней. Обычно, я намного дружелюбнее, но не сейчас, когда я впервые столкнулся с пропажей сестры. Дома мне приходилось вычищать стены от рвоты матери, закрывать дверь туалета, если Рэтт засыпал прямо на толчке. Поэтому я не смотрю на взрослых с тем уважением, как делает ее дочь.

– Ого, – все, что вымолвила миссис Фоллоуил.

– Спасибо за проникательность. Всего хорошего. – Я под-

скочил и двинулся по улице. Она развернула меня, ухватив за предплечье.

– Моя дочь... – она сжала губы и виновато опустила взгляд. Девушка, сидевшая в «Ровере», пялилась на нас и грызла ногти. – Моя дочь и Виа никогда не ладили. Я пыталась заставить их общаться, но чем больше я это делала, тем сильнее становилась их неприязнь друг к другу. Я подозреваю, что это из-за нее не дошло то письмо на прошлой неделе. Письмо, которое было так важно... Даже не знаю, зачем я говорю тебе это, – выдохнула она, качая головой. – Я всего лишь догадываюсь об этом... Но я не хочу знать наверняка, понимаешь? Мне неприятно даже то, что я просто задумываюсь о таком.

А может, стоило бы задуматься.

Обрывки воспоминаний начали мелькать перед глазами: я забираю письмо, зажатое в ее руке, разрываю его, бросаю в мусорный бак, ее расцветающая улыбка. И лимонад, который я вылил на обрывки, поддавшись умоляющему блеску в ее голубых глазах.

Я уничтожил все мечты моей сестры. Воплотил в жизнь кошмар.

Моя челюсть сжалась, я сделал шаг назад и бросил последний взгляд на девчонку, запечатлев ее в памяти. Занес ее в черный список, пообещав себе уничтожить ее, как только представится возможность.

– Так что, Виа не у вас? – Голос мой становился жестче,

словно олово, с каждым словом. Я в отчаянии, не знаю, что делать. Я хочу разорвать этот мир на части, лишь бы найти Вию, но я не всевышний, чтобы уничтожить этот мир. Все идет своим чередом, потому что такие дети, как мы с Вией, постоянно исчезаем. И никому нет до этого дела.

Миссис Фоллоуил покачала головой. Она немного смутилась, дотронувшись до моей руки:

– Эй, почему бы тебе не пойти со мной? Я высажу Дарью у дома, и мы вместе поедem искать твою сестру.

Дарья.

Я развернулся и бросился к автобусной остановке, ощущая себя идиотом, полным ненависти и жизни. Я чувствую себя живым, как никогда до этого. Потому что я хочу убить Дарью. Она все отодвинула на задний план; пока я любовался ею, все вокруг нас сгорело.

Я как-то сказал ей: *«Ты выглядишь так, будто тебе нужен друг»*. Идиотская мальчишеская доверчивость. Я мысленно выбросил это на землю и растоптал на пути к автобусу, который уже подъезжал.

Дарья была права – я наивен. Идиот. Ослепленный ее волосами, губами и сладкой меланхолией.

Мчась на остановку, я слышал, как кричит мое имя миссис Фоллоуил. Она знает, как меня зовут. Она знает, кто я такой. Кто мы. И почему это волнует меня? Почему меня волнует то, что девчонка знает, что я бедный.

Я запрыгиваю на первый подъехавший автобус, не имея понятия, куда он меня привезет.

Как можно дальше от девушки, но недостаточно далеко от меня самого.

Жжение в груди усиливается, дыра в моем сердце становится все больше и больше, и я уже слышу шепот бабули в своей голове.

Глазастик.

Глава первая

*В ту ночь перед началом учебного года,
я заметила тебя на трибуне.
Ты выглядела очаровательно,
но твое сердце разбито из-за парня,
который предпочел растоптать его на куски.*

Дарья

Почти восемнадцать

Сегодня вечером «Змеиная нора» переполнена.

Обычная ситуация, если сражается Воун, а сражается этот парень всегда. Он ломает носы с таким же успехом, как и разбивает сердца. А разбивание сердца – это его второе любимое занятие. Не меньше шести девушек сменили школу, лишь бы избежать страданий от одного только его вида, когда он перешел в старшую школу Всех Святых. Он учится здесь всего три года, а все родители заперли дочерей и трясутся от страха.

Почти все популярные парни из школы Всех Святых и враждующей школы Лас-Хунтас в Сан-Диего устраивают обряд посвящения боем в «Змеиной норе». Все это не мое, но Блис, Алиша и Эсме затащили меня сюда перед тем, как начнется учеба. Они самые страстные поклонницы Воуна. Этот придурок провел все лето в студии скульптуры в Италии и вернулся пару дней назад, поэтому всем срочно понадооби-

лось полюбоваться на его прекрасное, но безразличное лицо.

Правда в том, что Воун слишком жесток, чтобы влюбиться, пасть страстью или хотя бы испытать симпатию. Однако этот урок они усвоят на всю жизнь. Я отлично повеселюсь, наблюдая за всем этим, хоть и буду повторять: «Ой, дорогая, успокойся, он того не стоит».

Знаете что? Он того стоит. На все сто.

– Как кто-то настолько жестокий может создавать что-то настолько утонченное? Это чертовски неправильно. – Блис жевала прядь красных волос, пляясь на Воуна, который мельтешил туда-сюда по полю. Его черная, рваная одежда обтягивала каждый мускул.

Если верить легендам, то «Змеиная нора» получила свое название после вспышки змеиной чумы, и это вынудило забросить бывшее футбольное поле на окраине города. Парни, прислонившись к выцветшим и сломанным трибунам, пили пиво. Мы, девчонки, сидели, скрестив ноги, потягивали дорогое вино прямо из бутылок и курили электронные сигареты. Напротив нас сидела группа поддержки из Лас-Хунтас. Они не носят швейцарские бренды и не ездят на немецких машинах; передают друг другу наполовину пустые бутылки текилы и скручивают сигареты.

– Это отвратительно, Блис, он же второкурсник. – Алиша, наполовину афроамериканка, наполовину немка, издала звук, имитирующий рвотный позыв.

– Заткнись. Ты бы работала день и ночь в качестве его ис-

пользованного презерватива, если бы он предложил. Иначе ты не пришла бы сюда смотреть, как потные парни избивают друг друга.

– С кем он сражается, кстати? – Я лопаю пузырь фруктовой жвачки, поправляя темно-зеленое короткое платье на бедрах. Десятки оттенков блонда переливаются в волосах, наполовину завязанных черным бантом, я выгляжу как картинка с Pinterest. Стрелки идеальны, а на пухлых красных губах матовая помада, как из фильма нуар.

Я – Дарья Фоллоуил. Капитан команды поддержки, богатая сучка и маленькая Мисс Популярность. Нравится? А зря, я не интересуюсь мальчиками. А вот мужчины – другое дело...

– Понятия не имею, но я не завидую ему. Все поединки были жесткими сегодня, а Воун – лучший. Так что они оставят его на десерт, – подвела итог Алиша, рассматривая маникюр.

– Сейчас будет мясо! – заорал кто-то через три ряда, и мы встали, вытянув шеи, чтобы посмотреть: кому же не повезло сражаться с самим Воуном Спенсером. Я встала на цыпочки, толпа вокруг взорвалась криком, хлопая в ладони. Сладковатый запах смеси алкоголя и запекшейся крови витал в воздухе после предыдущей драки. Протяжный отзвук отчаяния повис у меня на языке.

Я увидела высокого, прекрасно сложенного парня, петляющего перед Воуном на мертвом поле. Он сжимал бутыл-

ку с чем-то алкогольным, его темно-русые волосы (или светло-каштановые?) спадали на лоб. Я не видела его лица, но мне это было и не нужно. Маленькая дырочка на месте сердца в его красной футболке, и моя рука потянулась к маленькому морскому камешку, висящему у меня на шее.

«Не падай в обморок, сучка. У тебя суперкороткое платье».

За последние четыре года я стала профи в избегании встреч с Пенном Скалли. Удивительно, учитывая, что он лучший футболист, а я капитан группы поддержки школы в том же округе. На данный момент мы играем друг против друга дважды в год. Наши команды всегда выходят в плей-офф, но школа Всех Святых постоянно проигрывает.

Я не могу видеться с ним с тех пор, как все раскрылось с Вией. Каждый раз, когда мы с ними играем, я имитирую спазмы от несуществующих месячных или проскальзываю в машину до того, как начнется игра.

– Ущипните меня кто-нибудь. – Блис радостно захлопала в ладоши. На ней укороченный бежевый топ, который идеально сочетается с оттенком маникюра. – Пенн Скалли – принимающий из Лас-Хунтас, самый горячий парень на всем побережье. Я мечтаю о том, чтобы его лицо оказалось подо мной. Сегодня мне должно повезти!

– Из того, что я слышал, можно сделать вывод, что ты пытаешься пристроить свою задницу везде, куда она поместится. Предупреждаю, Воун не любит спешки со своей до-

бычей, – усмехнулся Найт позади меня. Я повернулась в его сторону, изгибая бровь, пытаюсь сделать вид, что Пенн не заставляет мое сердце биться с такой скоростью, что оно готово сбросить с себя артерии.

Незнакомая девчонка сидела на его коленях, пытаюсь засосать ему ухо, а руки повисли на широких плечах парня. Он лениво раскинул ноги, на нем была куртка от Gucci и белые кроссовки Air Jordan. Лучший портной создал джинсы специально под него, а стрижка стоит явно дороже моей фирменной сумки.

Найт привлекательный парень, и не только ему это известно: он бы повесил объявление об этом на всех рекламных билбордах. Прикрытые зеленые глаза, ямочки на щеках, такие же глубокие, как и его взгляд Казановы, пухлые алые губы и скулы, которыми можно резать сыр. Невероятно мягкие каштановые волосы. В нем все буквально кричало о наслаждении.

Мы все живем на одном переулке, в одном районе, а наши родители лучшие друзья. Найт и Воун словно огонь и лед – очень разные, но при этом они самые близкие друзья, почти братья. Воун – сумасшедший человек искусства; Найт – типичный популярный спортсмен.

Один – Эдвард Руки-Ножницы, а другой словно дальний родственник Зака Эфрона.

– Твоя девчонка сойдет с ума от злости, если ты притащишь домой лобковых вшей? Они крайне бесполезные пи-

томцы. – Я мило взмахнула ресницами, обращаясь к нему. Луна не его девушка, но он из кожи вон вылезет, чтобы получить ее. Именно по этой причине я никогда не любила Луну Рексрот. Она типичная Виа. Девушка, породившая во мне Халка. Та, которой Воун постоянно улыбается и с которой вечно таскается Найт. Папуля как-то пошутил, что Луна словно сицилийская монахиня. Раз в год появляется за поднятой занавеской перед восхищенной семьей, которые преклоняются перед ней, потому что скучают.

«Это Луна. Когда она появляется – все вокруг останавливается».

Ага. А я прекращаю существовать.

– Отсоси старый член, Дар. – Он зажимает сигарету между зубами и прикрывает его рукой, зажигая. Затем затягивается и выпускает облако серого дыма мне прямо в лицо.

– Это приглашение? Если что, то существуют таблетки как раз для твоего ватного члена. – Я вздернула подбородок.

– Детка, мой член слишком тверд для тебя. А вот тебе точно понадобится три таблетки обезболивающего, чтобы справиться с последствиями от моего пребывания в тебе.

– Во мне? Помечтай, Найт Коул.

– О нет. В моих мечтах ноги Луны обвиваются вокруг моей талии и все такое. Без обид, Тиффани. – Он шлепает девушку по заду рукой с зажатой зажигалкой Zipro.

– Стефани.

– Не имеет значения, детка, я забыл, что ты у меня на ко-

лениях, пока Эльза не указала на это. – Он показал на меня жестом и засмеялся.

– Плохо, что Луна младше. Она никогда не будет встречаться с тобой. – Я просто провоцирую его, имея в виду, что Луна, вероятно, не будет с ним встречаться не из-за возраста, а просто потому, что они слишком разные. Она застряла в своей собственной вселенной. Она, как Солнце, а он – Земля, которая всегда вращается вокруг, приближаясь на сантиметр, хотя может и сгореть.

Найт наклонил голову набок, улыбка стала словно волчий оскал, а зубы показались острее, чем обычно.

– Подруга, если бы знала, сколько твоих одноклассниц передавали мой член из уст в уста, когда были младше. У тебя бы случился сердечный приступ.

– Вау! – прервал спор громкий крик.

Толпа вздрогнула в унисон, мы все повернули головы на поле, наблюдая за падением Пенна на середину площадки. Ох, Маркс. Они ведь еще даже не дрались, а он уже вырубился. Похоже, он очень сильно пьян. Воун собирается убить его, пока Пенн не пришел в себя.

Я попыталась привлечь внимание Найта.

– Ты должен сказать Воуну, что битва окончена!

– Ты только посмотри, кто-то сходит с ума от волнения. Почему? Сделала ставку у Гаса? – Найт поглаживает зад девушки, но ему это не интересно. Никогда не было. Я становлюсь багровой от ярости, голова сейчас лопнет от напряже-

ния. Руки сжимаются в кулаки. Не хочу, чтобы Пенн закончил сегодняшний вечер в больнице, несмотря на то, что он ненавидит меня и, скорее всего, желает мне смерти. Чувство вины зарождается внутри меня, когда я вспоминаю слезы в его глазах и письмо о зачислении его сестры.

– Неважно. Я никогда бы не заговорила с Гасом по собственной воле. Но этот лузер слишком пьян. Воун же убьет его.

– Он большая шишка в футбольной команде, состоящей сплошь из гангстеров. Сможет сам постоять за себя, – мрачно бросил в ответ Найт.

Как стартовый квотербек школы Всех Святых, Найт получал сомнительное удовольствие, играя против Скалли. Ходят слухи, что Пенн лучший в округе, а может быть, даже в штате. Директор Причард предлагал ему внушительную стипендию несколько раз ради того, чтобы он играл за нашу команду. Но, к счастью для меня, Пенн – преданный тип.

– Найт! – мой голос надломился, упав с вершины безразличия. Я умоляла. Девушка на его коленях взглядом метала в меня ножи. – Воун реально вляпается в дерьмо, если что-то пойдет не так.

Его лицо из скучающего превратилось в раздраженное. Он снял с коленей девчонку и передал ей сигарету.

– Я не собираюсь вмешиваться лишь потому, что ты такая ненормальная, но я спущусь и прослежу, чтобы эти двое не накосячили. – Он провел кончиком языка по губам, показав

пирсинг.

Я оглянулась на поле, оба парня сняли футболки. Найт прав. Пенн уже не тот тощий мальчик, который четыре года назад подарил мне самую ценную вещь. Мускулистый, крепкий, величественный, с нулевым количеством лишнего веса и с сильными руками. Мышцы сужаются к низу живота, выделяясь и указывая прямо куда нужно, и, кстати, мои девочки из группы поддержки вздыхают, тоже обратив на это внимание. Воун намного худее. Но это не имеет значения. Он обладает невероятным спокойствием, которым остается только восхищаться. Когда Воун в своей стихии, то справляется с парнями в три раза больше его, даже не вспотев.

Они двигаются по кругу; медленно, опасно и серьезно. Как обычно, Воун безэмоциональный, мужественный и спокойный. Пенн кажется отрешенным, с полоумной улыбкой на губах. Стеклянная бутылка выскользнула из пальцев и покатилась по земле; народ вокруг разразился громким смехом, который отразился прямо в моем сердце.

– Он часто дерется здесь? – спросила я, сама не зная у кого точно.

– Нет, – ответил Гас, потягивая пиво. Он – капитан нашей футбольной команды. Его дружки передают друг другу планшет с написанными именами. Они делают ставки на протяжении всей ночи, пока идут драки, а он просто снимает сливки. Гас забирает планшет и кладет его в сумку через плечо и сверху скомканную спортивную куртку, чтобы ни-

кто ничего не заметил. Будто он до сих пор верит, что никто не догадывается, что он организовывает ставки. Ходят слухи, что он сколотил неплохое состояние на этом, а Воун – тот парень, который ненавидит деньги и все, что с этим связано, – с ним в доле. Но все знают, зачем он это делает – откладывает деньги, чтобы открыть собственную студию, не взяв даже цента у родителей.

– Пенн не из тех, кто напивается перед дракой, я часто тусовался возле его школы. Что-то не так... – он допил пиво и сложил руки вместе.

Что-то не так.

Я должна покончить с этим тупым чувством вины. Я не несу ответственности за его проблемы. Другая девушка – смелая – встретила бы лицом к лицу с ним сейчас. Но не я. Он знает, что мы сделали в тот день и как это привело к исчезновению его сестры. Я никогда не просила у него прощения – будем честны, – я не заслуживаю его.

Глубоко в горле у меня перехватывает дыхание, пока эти двое меряются силой друг с другом на поле битвы, язык их тел словно зеркало. Воун первым ударяет Пенна прямо в лицо. И это был очень сильный удар, так как нос Пенна сразу начинает истекать кровью. Люди вокруг вскрикнули и вздохнули. Пенн спотыкается назад, смеясь и качая головой, будто он пропустил этот удар. Он слизывает кровь на уголке верхней губы, а затем наносит такой удар, какого я никогда не видела в жизни.

Бенгальский тигр.

Я и забыла, как он быстр и грациозен. Такой же, как и его сестра.

Пенн прижимает Воуна к земле, обхватывая коленями тело, и начинает колотить его: то ударит, то промажет. Меня тошнит. Толпа кричит. Такого никогда не было. У Воуна было несколько серьезных драк, но его никто и никогда не укладывал на землю. Он всегда знал, как уходить от удара и не тратить энергию впустую. Кажется, он был профи в джиуджитсу еще до того, как его выкинули из трех классов за непослушание.

– Спенсер! Спенсер! Спенсер! – Ученики школы Всех Святых кричат с трибун, бросая пустые пивные банки на поле. Учащиеся Лас-Хунтас сохраняют тишину, но не менее напуганы. Они не склонны к публичным выражениям чувств, но я знаю, что они преданы своей звезде футбола.

Прежде чем Воун успевает перекатиться на Пенна и сесту сверху, он получает фингал под глазом и разбитую губу. Пенн неуклюже ударяет Воуна, и, прежде чем я успеваю что-то понять, они снова перекатываются. Воун явно забавляется, но его удары четкие. Я замечаю, как Найт подходит к краю поля, проводя рукой по волосам и резко выдохнув:

– Давай закончим, Ви. Засранец получил намного больше, чем жестокий папочка в типичных фильмах. А ты истекаешь кровью, как девчонка во время месячных.

– Именно поэтому я не собираюсь его убивать прямо сей-

час, а просто преподам хороший урок. Он скажет мне спасибо. – Воун подмигивает, сплевывая кровь, и снова обходит Пенна. Он в отличном настроении, когда дерется.

Воун с разворота ударяет Пенна в подбородок, отчего кровь фонтаном брызгает на землю. Он падает и не шевелится, избитый и весь в крови.

Секунда.

Пять секунд.

Десять секунд.

Ну, вставай. Вставай. Вставай.

Вопль вырывается из меня прежде, чем я успеваю проглотить его, и звоном отдается у меня в ушах. Блис, Алиша и Эсме усаживают меня на трибуну, Найт подходит ко мне и быстро обнимает за плечи. Он тащит меня к парковке, расталкивая всех направо и налево своими широкими плечами, выглядит так, словно дерутся дети из двух школ. Найт заталкивает меня в свой светло-синий «Астон Мартин Ванквиш Воланте». На заднем сиденье мало места, я вынуждена сесть ровно и закрыть рот ладонями, чтобы меня не стошнило. Он протягивает бутылку воды, я беру, но мои руки настолько сильно трясутся, что я обливаю все вокруг.

– Не наблюдай мне на сиденье, все кончено, Фоллоуил.

Он обходит кабриолет, затем прыгает на водительское сиденье, не открывая дверь. Внезапно появляется Воун, вытирая лицо черной футболкой. Джинсы его порваны, самодельный пояс сделан из шнурков от армейских ботинок. Найт

указывает пальцем на Воуна и заводит двигатель:

– Ты сошел с ума, если считаешь, что я позволю сесть в мою машину с видом Керри после финальной сцены фильма.

Воун вспыхивает от злости:

– Успокойся, Коул. Я прокачусь с компанией из Лас-Хунтас.

Брови Найта подсакивают от удивления, а глаза полны удивления:

– Ты реально сошел с ума. Садись в тачку, придурок.

– Они подскочили к нам на поле, – говорит Воун с таким видом, будто это достойное объяснение его решения. У меня кружится голова от запаха дури и крови.

– И они надерут вам задницы. Не делай глупостей, пока я не вернусь. Мне просто надо доставить принцессу до ее замка.

Воун поднимает ногу и поправляет скотч на подошве его ботинка, который полностью порван.

– Сегодняшнего боя не должно было быть, – он сплевывает кровь на дорогу.

– Только не говори мне, что Скалли разбил что-то еще, кроме сердца Дарьи. Она выглядит так, будто у нее есть какие-то чувства.

Я пнула кожаное сиденье Найта. Мне все еще сложно дышать, но я впитываю любую информацию о Пенне.

– Его мать умерла сегодня утром.

Тишина оглушает, но громкий крик взрывается у меня в

голове и ушах. Я смотрю на Найта, парня, который видит это, словно что-то реальное, и я не удивлена, что он застыл на месте.

– По этой причине он начал потасовку, – вздохнул Воун. – Когда у Дарьи происходил ядерный взрыв на глазах у всех – это было круто, кстати – какой-то парень выбежал на поле и поднял Скалли с грязи, крича, что его мама передознулась сегодня утром. Более того, на его восемнадцатый день рождения.

– Вали на фиг отсюда. – Найт сжал челюсть и ударил по рулю так сильно, что пронзительный гудок застыл в небе на несколько секунд.

Воун качнул головой:

– А вторым подарком на день рождения было то, что отчим выгнал его из дома. Игроки Лас-Хунтас не тронут меня и пальцем. Я просто наложу ему несколько швов и проверю, чтобы все было окей.

– Я пойду с тобой, – сказал Найт с уверенностью. Следующий футбольный матч на этой неделе, и как раз против команды Лас-Хунтас. Они сломают ему ноги, даже не подумав дважды. Но я, конечно, промолчала.

В прошлом году бывшие выпускники школы Всех Святых заявили в Лас-Хунтас посреди ночи, заменили их флаги на пиратские и намазали все вазелином напоследок. Так что идти туда без команды, даже Воуну, это не просто напрашиваться на неприятности, а буквально умолять о них. Но в

этом весь Найт. Рисковать – его хобби.

– Я просто высажу Дар у дома.

– Отлично, в любом случае я еду с вами, парни, – выдохнула я. Моя уверенность, что я не встречу Пенна, была практически стопроцентная, особенно если учитывать обстоятельства. Вероятно, я последний человек, кого он захочет видеть сегодня, ведь я напоминаю ему о том, что он потерял. Если мои сопливые друзья услышат, что я зависала в Лас-Хунтас после внезапного визга, у них будет отличный повод для сплетен.

– Заткнись! – одновременно воскликнули Воун и Найт.

Воун сделал шаг, оказавшись под фонарем. Теплый свет попал на израненное Пенном лицо. Под обоими глазами чернели синяки, губы и бровь были порваны, на лбу была огромная шишка, которая завтра вырастет еще сильнее. Он никогда не был настолько сильно избит.

– Не переживай, мать Тереза. Мы не будем зависеть слишком долго, – сказал Воун.

– Да? – спросил Найт.

– Блис Ортис только что уговорила его пойти к ней домой потом. Не уверен, что они смогут трахаться в таком состоянии, но думаю, что они откроют для себя что-то новое.

Оба парня мрачно смеются. Блис. И почему я не удивлена. Она помешана на парнях. *Притормози, девочка.* Обычно меня не беспокоят такие вещи, но Блис тащится по парням так же, как я по своей красоте. Но трогать Пенна – это слиш-

ком, потому что, во-первых, он явно сильно ранен, а во-вторых, он был первым, с кем я поцеловалась. А это означает, что никто из школы Всех Святых не имеет права касаться его сейчас.

– Ему восемнадцать. Он может трахаться в любом состоянии. Даже практически в коме, – подытожил Найт. После минутного молчания он добавил: – Гас, вероятно, все проиграл. Он поставил кучу бабла на этот бой, а фактически в нем нет победителя. – Найт провел по подбородку.

– Гасу нужны только тусовки и минет. Не обязательно в таком порядке. Гас придурок, хотя я встречал более изощренных, – сухо ответил Воун. – Он переживет.

– Ты готов лечь с ним в постель ради своих корыстных целей.

– Я залезу в постель к любому, кого смогу обмануть. Так что у меня свои методы в моих расчетах, – спокойно сказал Воун.

Я посмотрела на руки, лежавшие на бедрах. Почему я чувствую себя настолько виноватой? Воун наклонился и похлопал меня по спине, словно старший брат, хотя он на два года младше:

– Не ной. Скалли крепкий сукин сын.

Они не знают. Ни о Вии, ни о Пенне. Ни о моем камешке на шее, ни о Халке, живущем внутри меня.

Я встряхнула волосами и улыбнулась, но я не там. Не в той реальности. Даже когда Найт вез меня домой под удивитель-

ным звездным небом, настолько чистым, что у меня заболели глаза. Луна выглядела одинокой и притягательной, а где-то под ней Пенн пытается примириться с новой реальностью.

Найт заглушил двигатель и жестом указал мне в сторону дома. Особняк, выполненный в тосканском стиле, с восемью ваннами, с двухэтажным фойе, винным погребом, балетной студией и бассейном, который выходил прямо из скал, которые мы называли вратами в Эльдorado. Мой папа инвестор, а мама... ну, она инвестирует в то, чтобы быть рядом с правильным мужчиной.

– Ты выглядишь уставшей и очень виноватой. Приди в себя и разберись со всем этим дерьмом, пока мы поднимаемся на второй этаж, – прогудел он, перебрасывая мою руку через свое плечо, и потащил по лестнице в темное фойе. Там висел огромный черно-белый портрет матери в одежде балерины, и ее элегантность царила во всем доме.

Сейчас не очень поздно, и шансы, что родители еще не спят, очень велики. Если нет, то Мелоди точно проснется, когда часы пробьют полночь. Она всегда заводит будильник, чтобы проверить, не нарушила ли я комендантский час.

Я не помню, как Найт положил меня на кровать, но он сделал это. Я все еще в одежде и не смыла макияж. Время будто остановилось; оно просто стояло в комнате, словно тяжелая мебель.

У Пенна Скалли проблемы.

Огромные проблемы. Он только что потерял мать и ока-

зался бездомным. Всего в нескольких километрах я лежу на огромной кровати с дизайнерскими покрывалами, аквариум во всю стену, наполненный розовым шампанским, стоит позади меня.

Мои действия – вот что привело к таким проблемам.

Если бы не я, то сестра была бы рядом с ним. Может быть, его мама не подсела бы на крэк или что-то еще. Я зажмурилась, сопротивляясь набежавшим слезам. Он подарил мне редчайшую вещь в мире, я расплатилась с ним страданиями. Мама умерла в его день рождения. Но есть что-то обнадеживающее в боли, которую я ощущаю. Она напоминает мне о том, что, несмотря на мой стервозный характер, я все еще способна переживать за кого-то.

Послышался звук босых ног, шагающих по коридору. Я сразу узнала тихую походку Мел и ее грациозные движения. Дверь в комнату со скрипом открылась, и она вошла на цыпочках. Обычно я притворяюсь спящей, чтобы избежать лишних разговоров. Сразу после исчезновения Вии я перестала называть ее мамой, и она стала просто Мел, но я не помню почему. С тех пор мы росли отдельно друг от друга, поэтому разговоры один на один казались пыткой. Но именно сейчас я не смогла сделать вид, что сплю.

Мелоди наклонилась, чтобы поцеловать меня в лоб – она повторяла это движение изо дня в день, с самого моего рождения. Позднее она стала нависать надо мной с целью уловить запах алкоголя. Но сегодня, к сожалению, я трезвая.

– Доброй ночи, милая. Хорошо провела время в кинотеатре?

Я на мгновение забыла о лжи, которую я ей наговорила перед уходом из дома. Я откашлялась, чтобы сказать «да», но правда сама вырвалась:

– Я видела Пенна Скалли.

Она напряглась, а затем опустилась на край кровати. Она попыталась сохранить спокойствие, но даже в темноте я разглядела, как у нее дрожит нижняя губа.

– Как... Как он?

– Его мама умерла сегодня.

Слова шокировали меня. Я не разговаривала о нем... никогда. Никто не знает, что произошло с ним и Вией. Я не смогла признаться. Когда Мелоди надавила на меня, я категорически все отрицала. Я даже убедила саму себя, что ничего не произошло. До сегодняшнего дня.

Она сжала губы, опустила голову, и плечи ее начали содрогаться. Я села, прислонившись к мягкой, обитой шелком спинке кровати.

– Сегодня его день рождения, – сказала она.

Конечно, она помнит и о дне рождения Виш.

– Он дрался сегодня.

Она бросила на меня полный отчаяния взгляд.

– У Пита?

– В «Змеиной норе», да.

– С ним все в порядке? – Она даже не отругала меня за

то, что я ходила туда.

– Я не знаю. Он не из моей тусовки, – съязвила я. Я верю, что Воун не уйдет от Пенна, пока не убедится, что с ним все хорошо. Физически хорошо, но не в душевном состоянии. А Блис? Даже если он захочет поговорить, но никогда не делает этого. Она усядется на него еще до того, как он расскажет, как себя чувствует.

– Что случилось с его мамой? – спросила Мел.

– Передозировка. – Я перекинула волосы через плечо и начала заплетать их в косу.

Дыхание участилось, но ее губы практически не двигались.

– Это ужасно.

Разве Скалли не богачи? Обычно обеспеченные люди не умирают от наркотиков. Они ездят обниматься с деревьями в реабилитационный центр в Палм-Спрингс и возвращаются на пятнадцать килограммов тяжелее и на тридцать тысяч беднее. Казалось, что Виа купается в деньгах. Я всегда думала, что Пенн носит дерьмовую одежду по той же причине, что и Воун, – показать миру, что деньги его не волнуют.

– Во всяком случае, я думала, что ты в курсе, раз была близка с Вией.

Даже после стольких лет все еще ощущается дыхание смерти, когда произносишь ее имя.

Мелоди встала и пробежалась взглядом по комнате, словно пыталась найти что-то особое. Может, она ищет Пенна?

Подбирать бродяг – не мой конек. Луна, моя соседка, обычно таскала домой раненых птиц, лягушек, собак и даже принесла как-то оленя. Если бы кто-то и протащил Пенна в окно, то это явно была бы она. А зная, какая я везучая, он бы точно влюбился в нее.

– Ты собираешься с ним поговорить? Или как? – спросила я. Сердце быстро забилося у меня в груди. Пенн знает, что я сделала. Он может рассказать ей, и она возненавидит меня. Мелоди никогда не признается себе в этом, но точно будет ненавидеть меня. Черт, а вдруг уже? Когда мы разговаривали последний раз? Просто разговаривали?

Мама остановилась у моего порога, сжимая дверной косяк, и наклонила голову:

– Я сделаю то, что должна была, когда Виа была рядом.

Следующим утром я проснулась довольно поздно и с ощущением надвигающейся катастрофы, запускающим когти прямо в кожу. Выпрыгнув из кровати, я сбежала вниз за стаканом воды. Пробегая мимо родительской спальни, я услышала, что они ругаются шепотом.

Мои родители безумно любят друг друга, иногда до омерзения. Нет ничего более постыдного, чем флиртующие на задней трибуне предки. Особенно если он был учеником школы Всех Святых, а она – учителем английской литературы в его классе.

Я знала, что они разговаривают о чем-то серьезном, поэтому, конечно, прижала ухо к двери с намерением не пропустить ни слова. Просто потому что я – это я.

– Просто скажи мне почему? – взревела Мел.

– Потому что я был подростком, поэтому знаю, насколько сильно я не хочу, чтобы какой-то парень жил с нами под одной крышей. Особенно когда две девушки ходят вокруг.

– Он будет хорошо себя вести.

– Так же, как он вел себя прошлой ночью, когда начистил лицо Воуну? Хах, думаю этого достаточно. Виш ввел меня в курс дела.

Вишез – отец Воуна и самый горячий сосед по совместительству. Я была влюблена в него, когда мне было пять. Магнат Вишез Спенсер все еще горяч, так что нет, мне не стыдно.

Не понимаю, о чем они говорят. Пенн? Живет здесь? Зачем?

– Джеки Чан-младший вряд ли жертва здесь. Кстати, ты тоже дрался в его возрасте, – подчеркнула мама.

– Определенно, Мел. Я не хотел бы видеть подростка вблизи моих дочерей. Не в том же самом доме и даже не на

том же континенте. У этого ребенка должна быть где-то семья. Где его сестра? Мы купим ему билет на самолет. Бизнес-класса. Я устрою его в лучшую частную школу, если тебе так хочется.

– Мы и так многие годы анонимно покрывали все его расходы по футболу, Джейми. Я когда-то пыталась связаться с его отчимом и наладить общение. Ему не нужны деньги. Ему нужна любовь и кто-то, кто будет заботиться о нем. Если бы такие люди существовали, то он не оказался бы один на один с этой ситуацией. Я говорила с его отчимом несколько минут назад.

– Господи, – промямлил отец.

– И знаешь что? Этому мужчине все равно, а вещи Пенна уже собраны.

Да что происходит? Я думала, что Пенн богатый. Почему мои родители платили за него? И почему все выглядит так, будто Мелоди хочет, чтобы он жил с нами? Я сильнее сжала стакан воды в руке.

– Если он хоть пальцем тронет Дарью... – не было необходимости заканчивать предложение. Где-то в подвале стояла бейсбольная бита, которую он называл «Поцелуй ботинка» и утверждал, что убьет ею любого, кто просто поцелует меня или Бейли.

– Здесь не о чем беспокоиться. Несмотря на то что они одного возраста – это не значит, что они будут спать друг с другом. Я еще не встречала настолько разных людей.

Повисла тишина. Я поняла, что Мел выиграла, но не поняла, что это все значит. Кажется, я влипла в полное дерьмо, даже не понимая, как все произошло. Пенн Скалли не может жить здесь, мы убьем друг друга еще до того, как он переступит порог.

Хотя о чем это я? Он будет единственный, кто совершит убийство.

– Ничего не случится, – повторила мама. – Но нам необходимо кое-что согласовать с нашим семейным юристом завтра с утра. Я только что получила его личное дело от Джима Левина, советника. Он уже совершеннолетний, но все равно будет кое-какая бумажная волокита.

Стерва не теряет времени зря, проворачивая дела. Могу поспорить, что она уже купила нам одинаковые свитера на Рождество и запланировала семейное фото с новым усыновленным ребенком и щенком лабрадора на нашем диване.

– Я напишу Вишу прямо сейчас. У засранца точно имеется полдюжины прислужников с врагами, которых он нажил в семье в одиночку, – вздохнул отец.

Стакан выскользнул из моих рук, как в замедленной съемке, и упал прямо мне на ногу. Я поборола визг, вырывавшийся у меня из горла, когда стакан покатился по ковру.

Я прикусила губу настолько сильно, что почувствовала металлический привкус крови во рту. Слезы затуманили зрение, но помогли сдержать крик.

– Ты что-то слышала? – спросил папа.

– Нет, ничего, – ответила Мел.
Ага. Это просто я.

Глава вторая

*Пока ты беспокоилась обо мне,
я трахнул твою подругу из группы поддержки,
ведь она отсосала мне и принесла пиво.*

*Я все еще ненавижу тебя, так что не совершай
ошибок.*

*Нет ничего милее, чем видеть, как ломается
твоя шея.*

Пенн

Я выбрасываю окурок от сигареты и закурываю новую. Строго говоря, предполагалось, что я брошу курить в выпускном классе. Тренер Хиггинс сказал, что убьет меня, если я нарушу это обещание. Но, по сути, я больше не буду играть в футбол или возглавлять команду, так как мне даже негде жить – нет даже машины, – так что школа не является моим приоритетом на данный момент. А вот работа – да. Главное, найти, где перекантоваться, пока я не наскребу достаточно денег на мотель.

С днем рождения меня, черт возьми.

Фишка жизни в неблагополучных районах заключается в том, что там же живут твои друзья, у которых есть достойное оправдание не впускать тебя в свой дом. Они слишком бедны, у них ограниченная жилплощадь, или их отцы тоже мудаки. Еще одна проблема в том, что я сижу на пороге до-

ма Рэтта с одной спортивной сумкой, куда сложены все мои вещи.

Я перекидываю сумку из руки в руку – легкая, как перышко.

Зажав сигарету в зубах, я быстро пробежался по контактам в мобильнике. Есть плюсы в моей ситуации – я забыл о саднящем лице, сломанных ребрах и бурлящем желудке.

Переночевать у девушки Ортиз – это слишком. Во-первых, сегодня должны вернуться ее родители с карибских каникул. Во-вторых, тащиться туда просто ради крыши над головой. Очевидно, что это не самое ужасно, но меня не покидает ощущение, что я веду себя как шлюха.

Я уже почти решился на звонок Кэннону – у его предков была кровать в сарайчике на заднем дворе, – когда вдруг подъехал новенький Range Rover и остановился напротив меня. Я даже не поднял голову, так как вероятно, что это босс Рэтта приехал забирать свои деньги. Открылась водительская дверь, пару секунд спустя появилась женщина в солнечных очках и волосами цвета грязи: она пялилась на меня. Взглядом, который может повалить замертво.

– Могу ли я вам чем-то помочь? – прищурился я, выпуская облако дыма ей прямо в лицо забавы ради. Настало время, когда я полностью оправдываю прозвище, которое дал мне Рэтт.

– Маловероятно. А вот я могу тебе помочь. Хватай свои вещи, ты едешь со мной. – Она сняла солнечные очки и по-

смотрела так, будто ждала этого момента всю ее жизнь.

Я наклонил голову, пробежавшись по ней взглядом. Что ей надо? Сказал я, вероятно, вслух, потому что она ответила:

– Однажды мы уже встречались. Меня зовут Мелоди Фоллоуил. Я была учителем балета у твоей сестры. Дочь рассказывала, что твоя мать умерла вчера.

Дальше она начала рассказывать, как ей жаль, что она понимает, как это все неожиданно, что она любила мою сестру, словно дочь, и бла, бла, бла. Вывод: она потеряла Вию, и она не хочет, чтобы второй Скалли провалился сквозь землю.

Да она гребаная святая. Мать Тереза во плоти.

Куча мыслей завертелась у меня в голове. Первое: мне не нужна ее жалость. Второе: хотя, по сути, все-таки нужна. Третье: я ненавижу ее дочь, и принять что-то от ее семьи – это продать душу дьяволу. Четвертое: жить без крыши над головой означает оказаться еще в большей заднице. Разгребать всякое дерьмо стало неотъемлемой частью моей жизни. Я доверяю взрослым чуть меньше, чем пьяным, сидящим на наркоте картежникам. Когда мне что-то предлагают, то я постоянно ищу подвох. Эта женщина не может появиться в моей жизни на своей дорогушей тачке просто так, не ожидая ничего взамен.

– Миссис Фоллоуил, вы когда-нибудь теряли ребенка в торговом центре или парке? – Я назвал ее миссис Фоллоуил, потому что единственное, что я унаследовал от бабули, – хорошие манеры.

– Конечно.

– Как долго вы искали его?

Прежде чем ответить, она сделала паузу, потому что знала, к чему все идет. Я вопросительно поднял брови.

– Двадцать пять минут, – ответила она. – Это были худшие полчаса моей жизни.

– Этого достаточно, чтобы доказать, что вы не любили мою сестру как собственную дочь. Прошло почти четыре года, как она пропала, а вы притащили свой зад всего пару минут назад, делая заявления, словно кандидат на роль президента.

– Четыре года! – Она огляделась вокруг, рассматривая неровные заборы и потрескавшийся бетон. – А ты все еще не знаешь, где она?

После того как офицер по прогулам из школы достал мою мать, Рэтт наконец придумал историю о том, что Виа переехала к своему папочке, хотя никто даже представления не имеет, где он, особенно Виа. Рэтт подделал кучу бумажек, затем избил мать до полусмерти за бездумное рождение детей. Дело в том, что Виа исчезла бесследно благодаря дочери миссис Фоллоуил. И мне.

– Попробуйте угадать, – саркастично усмехнулся я.

Она пожала плечами и прищурилась:

– Все, вставай, Пенн.

– Нет, мне и так хорошо.

– Совсем нет. – Она протянула мне руку прямо в лицо. –

Вставай!

Я рассмеялся просто потому, что могу. Потому что мне восемнадцать и никто, а особенно незнакомцы, не имеют права мне указывать. Потому что моя мать умерла от передоза вчера, а я ничего не чувствую. За последние два года мы едва ли обменялись и парой слов. Рэтт не проронил и слезинки. Просто сказал мне собрать вещи и проваливать из дома, добавив, что мне следует благодарить его за то, что позволил мне остаться до ее кончины.

– Пенн, мне нужно, чтобы ты пошел со мной. – Она пощелкала пальцами у моего лица. Я проигнорировал. Думаю, так происходит, когда ты не спишь вторые сутки подряд.

– Да? – Не знаю, почему улыбаюсь, я ведь в таком дерьме, что даже ее наманикюренная рука не сможет вытащить меня. – Напомните, почему?

– Хорошая альтернатива – жилье и обучение в школе. Кстати, сегодня твой первый учебный день. Если бы все было хорошо, то ты уже находился бы там. И ты больше не на попечении государства. Даже если найдешь постоянное место проживания, то тебе придется часто переезжать, что создаст помехи для работы или обучения. У тебя не будет денег для продолжения футбольной карьеры, так что, если ты переедешь куда-то, где есть футбольная команда, они вряд ли позволят тебе стать капитаном. Зачем сдавать позиции? Тебя пригласят в лучший колледж, если будешь продолжать в том же духе. Закончи выпускной класс, оставаясь в нашем

доме, а затем каждый пойдет своей дорогой, если захочешь. Но, в конце концов, дай себе шанс на успешную жизнь. Не отвергай такую возможность из-за гордости.

Она знает очень много о моей жизни, но это не удивительно. Если ты ребенок из этого района, то твое личное дело швыряют туда-сюда.

– У вас с сестрой настоящий талант в спорте, – добавила она.

– Так что? Я останусь в вашем доме и мы будем играть в семейку весь год? – Я щелкнул пальцами.

– Мы не собираемся ни во что играть. Мы семья. И тебе все рады.

– Притормозите, мадам. Вы говорите так, словно рекламируете сериал «Это мы».

Мне следует остановиться. Я теряю золотую возможность. Моя тупая заносчивость приведет к тому, что я закончу без стипендии и крыши над головой, а я пока не готов так скатиться. Я ничего не имею против Мелоди Фоллоуил. Но вот ее дочь – это другое дело.

– У нас все получится. – Она снова предложила мне руку, а я отказался. Снова.

Она подвинула руку на сантиметр ближе к моему лицу.

– Какие бы у тебя ни были проблемы, мы сможем все решить. Я хочу найти твою сестру.

Моя сестра мертва, чуть не сказал я вслух, но мне к черту не нужна еще жалость. Это всего лишь предположение. Но

Виа никак не может быть жива, если бы это было так, то она послала бы мне письмо, сообщение или позвонила бы за четыре года.

– Удачи.

– Мне не нужна удача, когда у меня есть деньги.

Я изучал ее, раздумывая, правда ли все это. Она принимает свое богатство как должное. Теперь понятно, где ее дочь приобрела комплекс превосходства. Им буквально несет от миссис Фоллоуил, но это положительно сказалось на ее девочке.

– Поднимай свою сумку.

Когда я не двинулся с места, она подняла ее и кинула в машину, оставив пассажирскую дверь открытой.

– Отлично. Ну и стой там. Теперь у тебя точно ничего нет, официально!

В конце концов я встал и залез в машину, не оглядываясь на дом Рэтта. Мои руки зависли над кожаными сиденьями, не дотрагиваясь до них.

Черт.

– Вы выкинете меня через час, – сухо прокомментировал я.

– Посмотрим, Скалли.

Я потрогал ногтем кожаное сиденье, поражаясь тому, как красиво мои неидеальные ногти смотрятся на нем. Когда она завела двигатель, я зажег сигарету и открыл окно. «Последний шанс передумать, леди».

– Сигареты погубят тебя. – Она надела солнечные очки и дерзко подняла подбородок.

– Хорошо, тогда чего они ждут?

Не знаю, на что я рассчитываю: на лекцию, наказание? А может, крик? Меня не воспитывали уже целую вечность.

Но то, что я увидел боковым зрением, удивило меня. Она улыбалась.

– А ты нахал. Вы с моей дочерью Дарьей подружитесь.

О, она даже не представляет, насколько ошибается.

Глава третья

*Ты наполнила меня страданиями.
Дала им немного настояться.
И вот пришло время распробовать —
что же из этого всего получилось.*

Дарья

Я положила дневник на край стола директора Причарда и сделала шаг назад. Он даже не оторвал хмурый взгляд от чтения документов. Я потеряла немного вспотевшие ладони о юбку. Директор лизнул палец и перевернул страницу брошюры, которой был так занят. Эта причудливая привычка напомнила мне, что он на двадцать лет старше меня.

То, что мы делаем, — неправильно.

Свою первую запись в черном дневнике я сделала в день исчезновения Вии. Тогда я поняла, что уже не просто озорной ребенок, я — подлая девушка. С тех пор мой ежедневник забит разными заметками.

Я ношу его с собой везде, будто он моя личная черная туча над золотистыми волосами; я сплю с ним под подушкой. Он хранит мои самые страшные секреты. То, что знаем только я и директор Причард: как я отрезала волосы диснеевской принцессе Эсме, когда нам было пятнадцать, как я уговорила маму забрать бродячего кота, просто чтобы заставить ее

ревновать.

Как я разрушила жизнь Вии.

– Уже вернулась? – Его голос безжалостен. Он прибавляет меня к земле, напоминая, как я мала и ничтожна.

Вместо ответа я развернулась и закрыла дверь. За моей спиной послышался мягкий стук ручки о стол, и я знаю, что он положил очки между страниц. Я пересматривала эту сцену тысячи раз.

Холодок пробежал по спине.

Директор Причард привлекателен так, как бывают привлекательны сильные мужчины. Его волосы иссиня-черные, заостренный нос, тонкая морщина проходит вдоль лба, как у профессора Снейпа. И хотя он не высокий и накачанный, его стройности и стиля в одежде достаточно, чтобы сделать похожим на Джеймса Бонда.

Наше первое столкновение произошло спустя несколько дней после исчезновения Вии, я тогда еще училась в средней школе. У завуча был медовый месяц, поэтому классный руководитель отправил меня к директору, когда я разрыдалась прямо в кабинете. Причард был внимателен, хорош собой и молод. Он дал мне салфетки, стакан воды и освобождение от урока физкультуры в тот день.

Я рассказала ему, что совершила ужасную ошибку и не знаю, как рассказать родителям. Когда он спросил, что произошло, я просто дала ему ежедневник и грызла ногти, пока он читал. В конце концов он закрыл дневник и спросил меня:

– Дарья, родители тебя наказывают?

– Нет, – ответила честно я. Что делать с Вией? Она пропала по моей вине. Мне захотелось крикнуть это с крыши во весь голос и сразу же забрать с собой в могилу. Я надеялась, что он подтолкнет меня к правильному выбору.

– Есть ли у вас дома какие-то особые правила? – Он постукивал пальцами по столу.

Я догадывалась, что нельзя блевать в туфли сестры, но не было чего-то особого. Поэтому я удивленно посмотрела на него:

– Нет.

– Я думаю, что тебе кое-что необходимо, – он перестал стучать пальцами, – чтобы стать более дисциплинированной.

Так началась наша история. Время Дарьи и директора Причарда. Когда я перешла в школу Всех Святых – он отправился за мной. Для него это было повышение. Для меня – облегчением. Директор Причард – названный принцем Причарда школы Всех Святых за его привлекательность, – к которому я обращаюсь во имя прощения.

Каждый раз, когда меня поглощает чувство вины, он заставляет меня расплачиваться, и боль уходит.

– Повернись и посмотри на меня, – говорит он стальным голосом.

Я повинуюсь.

– На колени.

Я опускаюсь.

– Склони голову и скажи это!

– Я, Дарья Фоллоуил, и это мой храм. Вы – мой святой отец. Я каюсь во всех грехах и молю об их искуплении.

После визита в кабинет директора я умываюсь холодной водой и размышляю над тем, реально ли сделать вид, что ничего не произошло.

Обнаружив, что меня отправили в тот же класс, где училась моя мать в школе Всех Святых, я первым делом побегала именно к нему. На меня наводит жуть тот факт, что меня бы здесь не было, если бы мои родители не встретились в этом месте. Но больше всего меня пугает то, что практически все могут представить, чем занимались родители за столом мисс Линд.

Не помню, когда я стала поддерживать слухи о нас с директором Причардом, но отлично помню почему:

«Разве ты не результат грязных отношений между студентом и учительницей? Твой отец трахнул твою мамашу, когда был выпускником, а она заставила его жениться на себе?»

Выпускница, похожая на Реджину Джордж, зажала меня в углу в первый же день. Она была с двумя громилами.

«Сучка, меня не волнует, что ты там возомнила о себе. Здесь ты просто несчастный случай для всех. И если ты когда-нибудь забудешь о том, кто ты есть, будь уверена, мы всем расскажем».

Я подняла подбородок повыше, вытирая ее слюни с лица:

«Мои родители поженились до того, как я была спланирована. Бабушка также ненавидела союз моих родителей. По факту ненавидит и сейчас, мы даже не общаемся с ней. Мы видимся раз в год чисто случайно, хотя живем в одном городе. И рассказываю я тебе это не для того, чтобы ты меня пожалела, а потому, что если ты будешь вести себя как стерва, то хотя бы не будь такой дурой. Говоришь дерьмо – придержишься фактов. Я пришла сюда, чтобы стать главной, и знаешь что? Ты уже ощущаешь угрозу».

Тогда я заработала пощечину, но улыбалась, пытаюсь спрятать слезы. Но я получила то, что хотела, я почти заняла их место. Несмотря на то что я была ужасной балериной – я была отличной танцовщицей и стала членом группы поддержки. Я буду встречаться с их парнями, кататься на крутых тачках, и их платья на мне будут выглядеть лучше. Никто не захочет столкнуться со своей усовершенствованной версией. Она всегда будет лучше и более продвинутой.

«Лучшие не привыкай, Фоллоуил. Мы следим за тобой».

Тогда я поняла, что мне нужна броня против репутации

родителей.

И был только один способ защитить себя – устроить еще больший пожар. Если бы они считали меня неприкасаемой, то побоялись бы дразнить. Если бы решили, что за моей спиной директор. Так что я подогревала все слухи, заставляла их разлетаться по школе как бабочек из банки.

Я умна, коварна, и меня недооценивают. По факту не было доказательств, что мы встречаемся. Я просто ходила в кабинет к Причарду, а он всегда открывал дверь, просто потому, что ему самому все это нравилось.

На полпути к классу я решила дать себе поблажку и прогулять два последних урока. Они все равно по выбору. Пятнадцать минут спустя я припарковала вишнево-красный кабриолет BMW у фонтана во дворе нашего дома и сразу отправилась в душ. Мне необходимо помыть волосы и привести себя в порядок перед ужином, во время которого мне нужно будет разыграть удивление, когда они скажут, что Пенн будет жить у нас. Если у мамы когда-нибудь получится убедить его жить со мной под одной крышей, то я поставлю убудка в угол и установлю правила поведения. Маминой машины не было, так что, убедившись, что все чисто, я побежала в душ и сбросила белую мини-юбку и голубую рубашку. Вспыхнул экран телефона:

Блис: Прогуливаешь школу в первый день? #дикарка

Гас: Мило с твоей стороны вступить за Скалли.

Хочешь затусить с шестерками из труппы? Как насчет того, чтобы попробовать что-то новенькое?

Эсме: Подруга, твоя задница выглядит слишком толстой. Знаю, что ты на массе, но всему есть предел. Либо жир, либо тако. Выбор за тобой.

Горячая вода успокаивает меня после последних полутора часов, ударяясь о тело с четырех разных сторон. Я откидываю голову, закрываю глаза, и стон вырывается из груди. Я справлюсь с Пенном. Я чертова королева школы Всех Святых, а он просто чувак из Лас-Хунтас. Все, что случилось между нами, всего лишь стечение обстоятельств. Я не могу позволить этому погубить меня.

Я вышла из душевой и встала на мягкий коврик на полу. Вчера я оставила розовое полотенце на стойке у двери. Делаю шаг туда, как вдруг дверь открывается.

– Бейли! – завизжала я, но вместо голубых глаз сестренки и ее тоненькой фигуры я столкнулась с Пенном, стоящим очень близко ко мне. Его тело с трудом помещается в дверной проем, а выглядит он словно ядовитый поцелуй. Темный, греховный и непреодолимо желанный. Джинсы низко висят на бедрах, из правого кармана спускается толстая цепь. На черной безрукавке, конечно же, дырочка на месте сердца. У него большие, загорелые руки с выпуклыми венами и мышцами. У него розовые губы, а глаза зеленые, словно мох в лесу. И эта зелень хлещет меня как плетка, смертельным и одновременно нежным ударом. Я яро сопротивляюсь жела-

нию вздрогнуть, зная, что это отразится болью во всем теле: в легких, в желудке, в бедрах. А также в самом интимном месте, которое я пытаюсь прикрыть прямо сейчас.

Медленная ухмылка появляется на его пухлых губах. А я стою и прикрываю подвеску на шее: я смущена из-за нее больше всего остального.

– Черт тебя дери, Маркс. Проваливай отсюда, Пенн!

Это был первый раз, когда я назвала его по имени. Официально предполагалось, что я не должна его знать. Лицо не выражает никаких эмоций, он сжимает дверную ручку так, что побелели костяшки на загорелой коже. Он поднимает розовое полотенце, бросает в меня, я ловлю дрожащими пальцами и быстро заворачиваюсь, пряча морской камешек на шее.

– Нравится то, что видишь? – Я взмахиваю влажными волосами. Моя гордость ущемлена: он видел меня абсолютно голой и никак не отреагировал на это. Чувство вины и хорошие намерения испарились, сменившись странным отчаяньем доказать, что он простолюдин, а я – королева.

– Нет, – поправил он, прикоснувшись большим пальцем к нижней губе. – Я ненавижу то, что вижу, и планирую наблюдать это как можно реже. Ты – Дарья, полагаю?

Он все еще стоит в дверях, не двигаясь. Этот парень нерелен. Я так зла, что могла бы врезать ему. Может, так и сделать? Он не ударит меня в ответ, а вот ему будет больно, ведь его лицо и так разбито.

– Не делай вид, что мы никогда не встречались. – Я взяла расческу и провела по золотым локонам. Придурок никак не хотел выходить из комнаты.

– Встречались, но обменивались не именами, а флюидами, – ухмыляется он, – отсюда вытекает вопрос: откуда ты знаешь мое имя?

– Какими флюидами? Ты был слишком труслив, чтобы предпринять что-то серьезное, – промурлыкала я, удивляясь тому, что он не знает моего имени. Ведь мы оба довольно популярны в школах.

Я вспомнила про камешек на шее, и лицо мое побагровело. Я идиотка, что взяла его тогда, оставила себе и превратила в талисман. Но сейчас этот простой камешек – неотъемлемая часть меня. Напоминание о том, что хорошие люди еще существуют.

Только вот я не знаю, хороший ли Пенн.

Я думаю, что могла бы сломить его.

Наблюдая за парнем сквозь запотевшее зеркало, я полагаюсь на свое самолюбие и могу спокойно сказать, когда парень разглядывает меня. Но он этого не делает, а смотрит так, будто оценивает, насколько больно хочет мне сделать. Я знаю, что его ненависть ко мне безгранична, каждое слово режет как нож, и дрожь сползает по позвоночнику. И вместо того, чтобы остановиться в кончиках пальцев, она пронизывает меня между ног.

– Это не пустая болтовня, Дарья. Ты не стоишь у меня на

пути, а я у тебя.

– Тогда что ты здесь делаешь? – проямлила я. – Разве ты не должен быть в школе? И не говори мне, что делать. Ты ничтожный гость, которого здесь никто не ждал, – закончила я и разразилась смехом.

– Я прогуливаю, как и ты. – Он посмотрел на меня, словно я никто, воздух. – И я согласен на статус гостя. У меня нет никакого желания находиться здесь, но мне сделали выгодное предложение, и я был бы идиотом, если бы не принял его. Я вижу, как ты на меня смотришь. О, глазастик...

Он бросил это прозвище мне прямо в лицо так, будто последних нескольких лет не существовало. Затем сделал шаг ближе, хитрая улыбка отразилась на его лице:

– В этот раз я разрушу твою жизнь.

Я ошарашенно повернулась к нему, сжав край мраморной раковины одной рукой. Он разговаривает таким тоном, будто он хозяин поместья, а я всего лишь заложница его милосердия. Я прищурилась, пытаюсь стереть ухмылку с его лица, но, увы, она казалась стальной. Пенн Скалли уверен, что владеет мной. *Мной*. Дарьей Фоллоуил. Самой популярной девочкой в школе Всех Святых. Мне пришлось постараться, чтобы напомнить себе о смерти его матери. Еще этим утром он был бездомным.

– Я не хочу видеть тебя в моей школе, – прошипела я. Мелоди уже сто процентов направила заявление о переводе, а директор Причард захлебнется от желания видеть Пенна в

футбольной команде.

– Это не проблема. Вы, ребята, в такой заднице, что от вас уже несет за километр.

– Но мы хотя бы не воняем нищетой. Ты ведь бедный? Твоя сестра заливала, что она богачка.

Когда кто-то ударяет меня палкой, я возвращаюсь к нему на танке. Я слишком жестока с ним. Ненавижу эту черту в себе. Сражение становится жестче по всем фронтам.

– Давай просто проясним несколько вещей. – Я откладываю расческу и хлопаю ресницами. – Ты не мой сводный брат, не член семьи. Ты – бродячий пес, мусор, которого вряд ли кто-то усыновит, ты – объект благотворительности.

Пенн делает шаг ко мне, и сердце рвется наружу из-под ребер. Чем ближе он подходит, тем выше вероятность сердечного приступа. Его взгляд напоминает мне змеиный: завораживающий и нечеловечный одновременно. Он не тот, кем был прежде.

Его запах затуманивает голову. Я хочу протянуть руку, дотронуться до его лица, поцеловать каждую ссадину. Молить о прощении. Проклясть его и оттолкнуть. Хочу рыдать у него на плече, раскаиваясь за все то, что мы наделали. За то, чем все закончилось. За то, какими мы стали после: я – полна дерьма, он – абсолютно пустой.

Мы разрушили души друг друга в день нашего первого поцелуя.

Пенн посмотрел на меня сверху вниз, и время остано-

лось. Такое чувство, будто мир вокруг нас замер, гравитация исчезла, когда он взял меня за подбородок и приподнял голову. Я не могу дышать, хотя не уверена, хочу ли этого. Полотенце упало на пол, хотя я крепко завязала его на груди; я поняла, что он сделал это специально. Я обнажена: мое тело, душа и сердце. Все стены рухнули. Где-то в голове вспыхивает красная тревожная кнопка, я готова дать отпор. Параллельно я разгадываю его выражение: удивление, раздражение и... игривость? Странная смесь эмоций.

– Будешь со мной, Фоллоуил, и я уничтожу тебя.

– Нет, если я уничтожу тебя раньше. – Не могу скрыть похоть в своем голосе.

Мое сердцебиение между нами.

– Хотя ты права. Мне нравится, что я вижу. По крайней мере, некоторая часть. – Его пальцы скользят по шее, и я с наслаждением закрываю глаза. Мой мозг орет, чтобы я открыла их.

Это ложь. Он ненавидит тебя.

– Да, мне определенно это нравится. – Дрожь волной проходит по моему телу, когда сладкое, горячее дыхание ласкает мочку уха. От возбуждения мои соски затвердели настолько, что даже легкое дуновение ветра отзывается между ног. Самоконтроль покидает меня.

Его губы соприкасаются с моими, и стон врывается в его приоткрытый рот в тот момент, когда язык проникает в меня. Он поглощает меня, а я разочарована от того, что меня

настолько сильно влечет к Пенну. Я кусаю его нижнюю губу и ощущаю металлический привкус теплой крови. Руки сжимают край его футболки в попытке найти дырочку на груди и заполнить ее пальцами. Он сжимает мою шею, словно лев приручает свою львицу, и поцелуй становится глубже. Второй поцелуй не имеет ничего смущающего или обещающего. Мы уже не те дети, не те наполненные надеждой люди. Стукаемся зубами, но не хихикаем или останавливаемся. В то же самое время создается впечатление, что мы все еще стоим у того мусорного бака. Просто стали мудрее и злее.

Меня никто и никогда так не целовал. Ни он, ни кто-либо другой.

Губы отдаляются от моих, и проходит несколько секунд, прежде чем я понимаю, что произошло.

– Самая редкая вещь в мире не должна принадлежать обычной сучке. Надеюсь, что ты не сохранила для меня все свои первые разы, потому что они мне не нужны, – шепчет он в ухо, и мои глаза открываются. Пенн кладет что-то в задний карман и уходит прежде, чем я успеваю послать его или пожелать сдохнуть.

Уже у двери он оборачивается. Змеиный взгляд говорит сам за себя. Он как-то сказал, что не хочет быть моим другом. Сейчас он готов стать моим врагом.

– Рад повидаться с тобой, сестренка. – Дверь захлопнулась прямо передо мной.

Рука инстинктивно тянется к камешку на шее.

Но его нет.

Как в любой семье, в нашей тоже есть постоянная рутина, которая редко меняется и практически не затрагивает меня.

Каждый день Мелоди забирает со школы Бейли, они едут в балетную студию, отец приходит с работы около шести. Это означает, что у меня есть около четырех часов, чтобы не столкнуться с придурком, живущим теперь со мной под одной крышей. Я голодна, хочу пить и постоянно тянусь к подвеске, которой больше нет. Слоняюсь туда-сюда по комнате, переписываюсь с Блис и Эсме, позже решаю сделать запись в черном ежедневнике.

Запись #1298:

Грех: *Пробралась в комнату Пенна, пока он принимал душ, и украла карандаш (Кто ими вообще пользуется? Ему пять лет?). Проводила по клитору и мастурбировала им. Положила обратно в пенал.*

Причина: *Идиот вошел ко мне, когда я была голая. Специально. И мне это понравилось.*

Временами, после общения с друзьями, я залипаю в «Мо-

лодых мамочек». Очнулась, когда дверь комнаты мягко открылась.

– Милая, ужин почти готов, – пропела Мел с той стороны. Я закрыла глаза, не желая видеться с ним. А особенно после того, как он видел меня обнаженной, поцеловал и заставил соски затвердеть, а потом сказал, что ему ничего от меня не нужно.

– Иду. – Я переоделась в суперкороткие шорты и топ. Хочу создать впечатление, что меня не тронуло все это и наш поцелуй не означает, что я его хочу.

Мел и Бейли на кухне. Бейли нарезает овощи, а мама маринует куриную грудку. Они болтают о балете, я прислоняюсь к краю стойки, игнорируя ощущение того, что я здесь лишняя.

– Привет, Бейлс, как дела в школе?

– Отлично. У нас новая учительница, и она разрешила использовать лабораторию после уроков под ее присмотром. – Сестра улыбнулась во весь рот, демонстрируя брекеты. На каждой руке болтается цветной браслет, как ЛГБТ флаг. Однажды она расцветет в полную силу, но пока еще просто бутон.

– А ты как?

Я вспомнила о директоре Причарде и последнем визите в его офис. О новой классной комнате, о сообщениях, разрывающих мобильник.

– Круто, – улыбнулась я в ответ, но глаза уже бегали в

поисках Пенна.

– Отнеси это папе, пожалуйста. Он на веранде, – сказала Мел, не отрывая взгляда от курицы.

Я взяла тарелку с курицей и направилась в сторону веранды, игнорируя нарастающее ощущение тепла на лице. Мой отец и Пенн стояли около гриля, я поморщилась. Мать даже не намекнула о его присутствии. Папа переворачивал стейки щипцами, в руках было пиво, и они вели непринужденную беседу.

Отец пьет пиво с ним? Отлично. Пенну всего восемнадцать, но это неудивительно, родители и мне разрешают пить вино в их присутствии. Они убеждены, что если позволить употреблять алкоголь под строгим контролем, то у подростка не сорвет крышу, когда он сам доберется до выпивки. Я никогда не напивалась на вечеринках. А трезвость делает любую вечеринку немного скучной.

Я открыла стеклянную дверь и замерла.

– Я не привык доверять парням с разбитыми костяшками, когда они находятся слишком близко к моим дочерям. Но моя супруга любит что-то исправлять, и с тех пор я стал ее проектом, так что было бы справедливо вернуть должок. – Пенн смотрел на отца с любопытством.

– Я ценю вашу помощь, сэр, но меня не надо чинить. Я не сломан.

– Ты через многое прошел, – продолжил отец, – это нормально – не разбираться со всем своим дерьмом в восемна-

дцать.

– Не стоит волноваться о моем дерьме, – ответил Пенн. – Я был бы благодарен, если бы никто не узнал, что я живу здесь. Это не мой район, а я новый принимающий в команде Лас-Хунтас. Моя стипендия будет под угрозой здесь.

– Если станешь выпускником школы Всех Святых, это положительно скажется на твоём заявлении в колледж.

– Уже слишком поздно переводиться. Я капитан команды соперников, у меня нет шансов, что я впишусь в школу Всех Святых. Кроме этого, у них уже есть принимающий, хоть он и придурок

Смешок вырвался из меня, но я быстро скрыла его. Они все еще не знают, что я здесь.

– Итак, ты живешь в моем доме и не прикасаешься к дочерям. Даже не пытайся, мальчишка. Хочешь совет? Эти щипцы, – папа поднес их прямо к лицу Пенна, – они подходят не только для стейков.

– Не обижайтесь, сэр, но одна из ваших дочерей слишком маленькая для меня, а другая слишком Дарья. – Я ощутила, как его слова лентой затягиваются на горле. Не думаю, что отец заметил угрозу в его голосе, но я все поняла. Отец, в отличие от Пенна, не заметил моего присутствия. Эти слова были адресованы именно мне.

– Что это значит? – спросил папа.

– Я думаю, что вы поняли значение моих слов.

Пенн повернулся и одарил меня ухмылкой.

Эти глаза видели меня голой сегодня утром. Эти губы ласкали меня, а затем приказали исчезнуть.

Я помню, что Виа была прекрасна, это напрягало меня, но я не припомню, что она была настолько красива. Ни один парень не цеплял меня до такой степени. Никогда. Даже если я соберу всех бесчисленных красавчиков, возьму их лучшие черты, то все равно не получится никого, даже отдаленно напоминающего Пенна. Из гадкого утенка он превратился в черного лебедя.

– Курица, – прошептал Пенн. На лице появилась улыбка, слишком расчетливая для молодого парня. Он бросил сигарету в урну, не сводя с меня глаз. Где он обучился этой искушенности?

– Извини? – я подняла брови.

– Спасибо за курицу, сестренка. – Он обошел меня с пивом в руке и взял кусок куриной грудки. Он дразнил меня, называя сестренкой, но мне оставалось лишь прикусить язык, так как отец был здесь.

– Без проблем, что еще я могу сделать для тебя?

– Думаю, ты уже сделала достаточно, – ответил Пенн. Я оглянулась на отца, он отвернулся, но плечи его содрогались от смеха. Думаю, он испытывает облегчение от того, что мы не флиртуем.

– Вижу, что вы уже познакомились.

– О да, – ответила я, – Пенн видел меня *мельком*.

Мы ужинали так, будто ничего не поменялось, будто Пенн всегда был частью семьи. Родители представили его в качестве друга семьи, я фыркнула, когда они пожали друг другу руки над салатами и кристально чистой водой в бутылках «Тасманский дождь». Ну вы знаете, безумно дорогая вода.

Пенн открытый и добрый, хоть и разговаривает как типичный парень из гетто. Его речь медленная, уверенная и завораживающая. Он намеренно игнорирует меня. На щеке и под глазами все еще видны синяки, но они постепенно светлеют. Никто и не намекает об ужасном состоянии его тела, не спрашивает, почему он здесь, пока Бейли не поднимает голову от тарелки:

– Что с твоим лицом? – Она прикрывает рукой брекеты во время разговора.

– Бейли! – отчитала ее мама, отец вздохнул и покачал головой. Пенн одарил ее легкой улыбкой. Я уставилась на него с удивлением, видя то, чего не хотела: он не такая уж и сволочь, когда дело не касается меня.

– Я врезался в дверь.

– Серьезно? – Глаза Бейли с удивлением оценивали ко-

стяжки на пальцах.

– Она качнулась и ударила меня в ответ.

– Выглядит ужасно, – подвела итог Мел, засовывая целую вилку шпината себе в рот.

– Видела бы ты эту дверь, – Пенн наклонил голову, поймав взгляд Бейли. Я практически услышала треск льда за столом, когда все разразилось смехом. Но проблема в том, что здесь находились два айсберга: они все на одном, а я на другом медленно отдаляюсь от них.

Пенн откашлялся, проводя рукой по волосам:

– У меня было не самое лучшее лето, поэтому я нуждаюсь в передышке. Дверь оказалась гораздо тверже, чем я думал... но именно благодаря ей я здесь.

Я закатила глаза, отрезала кусок курицы и обмакнула его в белый соус.

– Ну, раз уж мы коснулись этой темы, – сказала Мел, положив столовые приборы на тарелку, – Дарья, Бейли. Не так давно Пенн прошел через не самые лучшие времена. Мы решили, что будет неплохо, если он проведет с нами выпускной год перед поступлением в колледж.

– *Его* выпускной год?! Это мой год! И не имеете ли вы в виду, «если» он пойдет в колледж? – добавила я, бросая на ветер всю свою осторожность. Он относится ко мне с пренебрежением, почему я себе не могу позволить относиться к нему так же? Я понимаю, что ранила его. Что сотворенное нами четыре года назад – ужасно. Но он даже не дал мне

шанса объясниться и принести извинения. Все взгляды были прикованы к моему лицу, кроме Пенна, он пережевывал сочный кусок стейка.

– Основываясь на его оценках и выступлениях на футбольном поле – он уже на пути получения стипендии в колледж Нотр-Дам, я уверена, – жестко ответила Мелоди. Она ненавидит, когда я выпускаю своего Халка и злюсь.

– Что случилось? – обратилась Бейли к Пенну.

– Моя мама умерла, – объяснил он. Бейли посмотрела на меня так, будто я причастна к ее смерти. Мне самой захотелось умереть.

– Во всяком случае, – обратился ко мне папа, – если у вас, девочки, появятся какие-то вопросы, то наша дверь всегда открыта.

Бейли взглянула на Пенна, затем опустила голову:

– Я мечтала о старшем брате всю жизнь. Ты будешь им?

Я подавилась водой, разлив все на тарелку. Она прикалывается? Ей тринадцать. Кто так говорит? Бейли. Бейли так говорит. Она сама доброта и солнышко с розовыми бантиками. Слишком прямолинейная отличница и любимая мамина балерина. Она и Луна занимаются волонтерской деятельностью, чистят пляжи от мусора и сдают вещи на переработку.

Пенн проскользнул в нашу жизнь с легкостью, никто и не задумывается о том, что чувствую я. Он даже не придал значения моему существованию за этим столом.

Сделав глоток воды, он спросил:

– Ты принимаешь заявки?

Я опять закатила глаза, боюсь, что к концу ужина они окажутся на тарелке. Пенн широко улыбался.

– Вы приняты, – засветилась Бейли, – мы можем сходить в боулинг.

– Можем, но не пойдем, потому что это отстой.

– Да, отстой, – подтвердила она.

– Я видел, что ты читаешь стихи, – он взглядом указал на книги на кофейном столике в гостиной. Бейли – книжный червь. Она обожает поэзию. Еще одна причина, почему она моя улучшенная версия 2.0.

– В Сан-Диего проходят открытые чтения, там люди читают собственные стихи. Это круто, и они подают отвратительный яблочный пирог. Мы можем сходить туда. Родители могут присоединиться.

Все улыбаются, как будто снимаются в рекламе зубной пасты. Никто даже не заметил, что он не пригласил меня. Я резко ставлю стакан с водой на стол, но меня игнорируют, будто я мальчик, который кричал «волки!» так часто, что, когда ему действительно понадобилась помощь, никто не обратил внимания.

– Отлично! – воскликнула Бейли, и мама сразу же перешла к более практичным вещам:

– У тебя нет машины, Пенн. Если теперь ты будешь кататься в Сан-Диего каждый день, то даже не пытайся спорить со мной о следующем пункте.

Пенн бросил на Мел такой взгляд, которого я никогда не смогу его забыть: частично убийственный, частично яростный.

– Это та часть, где вы дарите мне машину? Я не альфонс.

– Уже подарили, – пожал плечами отец, запихивая кусок стейка в рот. – Ничего особенного, и я забыл тебя предупредить не прикасаться не только к моим дочерям, но и к жене тоже – это замечание об альфонсе почти стоило тебе твоего носа.

– Понял. Поправка: мне не нужна благотворительность. – Пенн с такой силой кольнул стейк, что умершая корова заорала от боли.

– Уверен? – проямлила я, пялясь на стакан с водой. – А выглядишь так, будто нужна.

– Дарья! – воскликнула Мел.

Бейли повернулась в мою сторону.

Ненавижу. Ненавижу его. Ненавижу, что показываю эту сторону себя – стервозную сторону во всей красе.

Пенн сделал вид, что не слышал меня, и украл кусочек капусты с тарелки Бейли.

– Слава Марксу, – засмеялась она, – ненавижу ее. Ты знаешь, что у тебя дырочка на рубашке?

Я захотела сказать, что она там специально, это символ. Она всегда на одном месте, неважно, когда и где я его видела. Но вместо этого начала считать перчинки на куске курицы. Мы не очень близки с сестрой.

– Это целая история, – ответил он.

– Хорошая?

– У меня нет других историй.

– Пойдем, я покажу тебе твою машину, сынок, – сказал папа. *Сынок.*

Я закатила глаза, чтобы не расплакаться.

Маркс, это будет самый длинный чертов год в моей жизни.

Глава четвертая

*Ты прекрасна, словно песня.
Уродлива, словно вопль.
Но ты глубоко потеряна
меж своих костей.
Я хочу раскопать твою душу,
вытащить все секреты
и бросить их к твоим ногам.
Затем поглотить все слова
о твоей сладкой боли.*

Дарья

Проснувшись утром, я обнаружила зеленое надкушенное яблоко на прикроватном столике. Оно лежало на открытом учебнике по истории, в котором желтым маркером были выделены строки:

Римляне принесли с собой яблоки, когда завоевали Британию.

Мне захотелось снести все стены и орать до тех пор, пока воздух не кончится. Однако взяла себя в руки и, пропустив завтрак, отправилась сразу в школу.

Сейчас, в кафе, я просто пытаюсь ровно дышать, чтобы выжить.

– Художники не привыкли работать в команде. Лишь настоящие одиночки могут создать что-то сами. Тебе надо

быть и яйцеклеткой, и сперматозоидом, чтобы родить шедевр. – Блис стояла на лавочке и театрально толкала речь. В другом конце комнаты сидел Воун – случайный свидетель сей сцены.

– Блис, ты даже разговоры о сексе делаешь грустными, – зевнул Найт.

Воун не ел. Как обычно. Я имею в виду, очевидно, он ест – иначе он не существовал бы, – но не перед людьми. Думаю, именно это делает его легендарным в стенах школы: он никогда не заходит в туалет, не занимается физкультурой. Если встречается с девушками, то вы узнаете об этом уже после расставания, потому что какая-нибудь сумасшедшая сучка портит шкафчик, парту или особняк. Но что интересно – Воун начинает встречаться с абсолютно здравомыслящими девушками, превращая их в одержимых. Воун никогда не выбирает себе стол и тусовку. Думаю, именно это и есть его изюминка. Для него мир словно устрица, а он не любит морепродукты.

– Да что ты знаешь о художниках? – фыркнул Гас, бросая половину яйца и сэндвич с тунцом в Блис. Он сидел на столе, закинув ноги на скамью. Это грубо, но я не в настроении, чтобы спорить.

Блис поймала сэндвич и уселась с ухмылкой, открывая пластиковую упаковку.

– Знаю, что именно они могут вытворять своими руками. Тебе даже и не снилось.

Она откусила кусок и закатила глаза:

– Мммм, как вкусно.

Эсме накручивала прядь черных волос на палец и жевала жвачку.

– Не хочу показаться грубой, но все вы смертельно скучные. Коул, иди и скажи Воуну, чтобы он шел сюда.

Найт вытянул шею, делая вид, что занят поисками.

– Черт, – он похлопал по карманам куртки от Gucci, – не могу найти. – Что ты не можешь найти? – моргнула Эсме.

– Момент, когда я начал принимать приказы от твоей жалкой задницы.

Все рассмеялись, а я даже улыбнулась.

– Успокойся, Найт, мы просто хотели послушать, как Воун провел лето в Италии. – Блис пригладила волосы и невинно захлопала ресницами. Могу поклясться, что сучка смогла бы флиртовать даже на собственных похоронах со священником.

– Да ладно. Даже если бы Майлз из шахматного клуба совершил выход в открытый космос или высадку на Солнце, ты бы не уделила ему и минуты своего времени, – засмеялась Эсме. Она в курсе, насколько сильно Ортиз обожает Воуна Спенсера, ведь они лучшие подруги.

– Эй, Дарья! – крикнул Гас, отвлекая меня от салата, который я просто ковыряла пластиковой вилкой в течение десяти минут. – Ты какая-то тихая сегодня.

И это первый и единственный раз, когда ты реально это

заметил, черт подери.

– Мисс Линд достала меня, – я пожала плечами.

В принципе, это даже не ложь. Стерва ненавидит меня. Просто омерзительно сидеть у нее в классе, где родители начали спать друг с другом. Я бы просила о переходе в другое место, но тогда мне пришлось бы идти к завучу, а она уже делала намеки обо мне и директоре Причарде. Не хочу, чтобы у него были проблемы. Сейчас моя проблема номер один – Пенн, живущий со мной под одной крышей. Предполагалось, что последний год в школе будет самым отвязным, но все пошло совсем не так.

– Хочешь принести хоть немного пользы? – облизнулся Гас. Я уже говорила, что он отвратительный? Ах да, буквально пару секунд назад.

– Тебе? – Я медленно повернулась, бросая на него взгляд. – Только если ты подразумеваешь кардинальную смену имиджа после извинений.

Гас – крепкий блондин, с типичной американской внешностью: супергеройской челюстью и голубыми глазами. Если бы он снимался в фильмах девяностых, то был бы злодеем. Хотя, что тут думать, он уже в этой роли. Помимо дел, которые он вел в «Змеиной норе», у него напряженные отношения со многими родителями из-за его отношения к сексу и развлечениям. Когда нас провоцируют, я типичный дикобраз, а он кенгуру – идет напролом без причин. Помню, когда мы ездили в Австралию, нам запретили кататься ночью на

автомобиле из-за того, что кенгуру бросаются на свет фар. Так вот, это Гас – тупой и агрессивный.

Он добр лишь к паре людей – Найту, его нападающему, спасшему кучу игр. И Воуну – курочке, несущей золотые яички, – который готов драться в «Норе» хоть каждые выходные против троих одновременно.

Народ захихикал над моим комментарием. За столом находились футболисты и девочки из группы поддержки. Найт заметил Луну через всю комнату и соскользнул с нашей скамейки.

– Увидимся позже, придурки. Это все хотя бы реально, в отличие от сисек Эсме. – У Эсме отвисла челюсть от удивления, она обхватила свою грудь, обтянутую в красочное платье Dolce & Gabbana, переводя взгляд с нее на него.

Луна Рексрот отказывается сидеть с нами. Однажды, когда Найта не было, Гас подшучивал над ней из-за ее неразговорчивости. Я не останавливала его, о чем немного сожалею: хоть она и персона нон-грата, но не стоит того, чтобы над ней прикалывались и грубили.

– В каком смысле полезной, Гас? – спросила Эсме, жуя кусок моркови, пытаясь перевести тему от искусственных сисек, кстати, подаренных родителями на восемнадцатилетие.

– Говорят, Пенн Скалли порадует нас своим визитом после уроков, чтобы запугать нас, если вдруг надумаем предпринять что-то перед игрой. В прошлом году мы уничтожили весь газон на поле Лас-Хунтас, и этим кискам негде было

играть несколько недель. Полагаю, что Дарья сможет сыграть роль судьи Джуди.

Сердце упало в пятки. Я ощущала его биение везде.

Маркс, Маркс, Маркс.

– Скалли? – я фыркнула. – Нет, спасибо.

– Тогда почему ты так заорала, когда Воун надрал ему задницу?

– Он был пьян в задницу. Я просто переживала, что Воун попадет в беду.

Гас пробежался взглядом своих светлых глаз по мне, ухмыляясь. Он наклонился и коснулся указательным пальцем моего носа:

– Я не верю тебе.

– Хорошо, потому что я не собираюсь оправдывать твои ожидания, – я показала ему средний палец, делая вид, что открываю невидимое зеркальце. Все снова засмеялись. Выглядело все так, будто я в своей стихии, но на самом же деле я дрожала в своем летнем платье и черных туфлях.

– Докажи это сегодня в три.

– Еще чего. У меня тренировка, а еще есть личная жизнь.

– Цель группы поддержки – поддерживать футбольную команду, – ответила Эсме, бросая мне вызов. Она все еще завидует, что именно я стала капитаном. Но дело в том, что Эсме убеждает всех, что они не имеют права потреблять что-то кроме диетической колы. Никто не хочет, чтобы она была ответственна за закуски, тем более группа поддержки.

– Не могу, мистер придурок. – Я взяла яблоко с его подноса и откусила большой кусок.

– Тренировка в три тридцать. Ты успеешь, – Блис прикусила нижнюю губу. Маркс, никогда не думала, что девчонки будут по одну сторону с парнями.

– Хорошо, так и быть. – Я взяла красный поднос, покидая столовую и пытаюсь заглушить рыдания. Не хочу видаться с Пенном. Знаю, это глупо, учитывая то, что мы живем вместе и это неизбежно, но я ненавижу, когда он смотрит на меня. Он видит меня прошлую, и это пугает меня.

Весь оставшийся день я старалась не опускать голову и не убирать с лица лучезарную улыбку. Но это не помогло. Я не могла выкинуть из головы, что мне и Блис нравится одинаковый тип парней.

Только вот Пенн никогда не был со мной в постели.

Он целовал меня просто показать, что он может. А потом сорвал с шеи подвеску и сказал, что не нужны ему мои первые разы.

Каждый стук стрелки часов отдавался у меня прямо в сердце. И эта тикающая бомба взорвалась во мне, когда часы пробили три. Гас ждал около кабинета, он жевал жвачку, лопаая пузыри прямо в уши школьников, выходящих из кабинета. Когда я вышла, он заглянул в класс и зажал нос пальцами:

– Это не тот кабинет, где перепихнулись твои предки?
Откуда все это знают?!

Потому что у всех родители – выпускники этой школы. Люди сплетничают. Всегда.

– Просто пойдем и покончим со всем.

– Да, мадам. – Он толкнул дверь, и мы направились к школьным воротам. Пока шли, я пыталась убедить себя, что в наших с Пенном интересах сделать вид, что мы не знакомы. Это единственный шанс доказать Гасу, что между нами ничего нет. Я лучше умру, чем буду встречаться с кем-то из Лас-Хунтас.

Когда мы подошли ближе к воротам, я заметила Пенна, облокотившегося на новенький, серебристый Prius. И прикусила губу в попытке скрыть смешок. Папа достал ему тачку самого честного менеджера, который приравнивает сахар к чистому героину. Руки Пенна были скрещены на груди, на нем были очки Ray-Ban, черная футболка с дырочкой на месте сердца и черные узкие джинсы, подчеркивающие, насколько он высокий. Гас в сравнении с ним был похож на танк (по уровню развития тоже).

Мы остановились напротив Пенна, на достаточном расстоянии, чтобы показать мирные намерения. Ощущения были, будто держишь меч, Гас еще не заметил Пенна, а на мече моя кровь уже с самого утра, когда он пообещал завоевать земли и свергнуть меня.

– Привет, засранец, – Гас протянул руку первым.

– Вижу, ты притащил с собой подкрепление. – Пенн высмеивал меня, оставив висеть руку Гаса в воздухе. – Она со-

бирается надоесть мне до смерти, рассказывая о выпрямителях для волос? Это твоя стратегия?

Взгляд Гаса мечется между нами.

– Вот дерьмо, с момента, когда ты получил от выпускника и Дарья разоралась, я был уверен, что вы трахаетесь. Ледяное сердце этой сучки не растаяло бы и в пустыне.

– Мы и так в пустыне, идиот, – я закатила глаза.

– Определенно, – Гас поднял брови. – Как ты, Пенн? Как твоя девушка?

У него есть девушка? Не может быть. Он так целовал меня сегодня утром. Сердце забилося с бешеной скоростью.

– Не твое дело, – огрызнулся Пенн.

– Давайте уже перейдем к делу, у меня скоро тренировка, – я помахала рукой.

– Я думаю, что главное дело в том, что тебе нечего делать при нашем разговоре, – лениво сказал Пенн, – вон ворота на выход, иди и воспользуйся ими.

Гас засмеялся, похлопав Пенна по плечу. Окей, быть говнюком дома – это одно, но на публике... Это объявление войны.

– Нет уж, я останусь, – я сложила руки на груди, – буду переводить Гасу твои слова. Он не разговаривает на языке дерьма.

– А ты да? – Пенн приподнял одну бровь в ухмылке.

– Огонь! – Гас присвистнул. – Да вы ненавидите друг друга.

Прежде чем я успела подумать о последствиях своих слов, они сами выскочили из моего рта:

– И довольно бегло. Твоя сестра научила меня.

В свою защиту скажу, что я возненавидела себя еще до того, как они вырвались из меня. А после мне казалось, что сердце стало решетом и сквозь него сочится яд. Не могу поверить, что я произнесла это вслух. Неудивительно, что скупающее выражение лица Пенна быстро стало гневным. Ноздри расширились, а глаза сузились.

Мои руки взлетели ко рту, а взгляд Пенна стал жестоким, как шторм, сносящий деревья и крыши домов.

– Ой, ой, ой... – Гас лопнул жвачку, поднял кепку и пробежался рукой по белым волосам. Они такие блестящие и ровные, будто песчаные дюны в пустыне на ветру. – Пенн Скалли наживает врагов в высшем обществе. Не удивлен. Так о чем мы, Скалли? У меня нет времени. Некоторым из нас надо тренироваться. Это первая игра сезона, и я не хочу проиграть.

– Забудь, Байер. – Пенн тряхнул головой и сел в машину. Он уезжает, уезжает абсолютно разъяренный. Из-за меня.

Захотелось заорать и заплакать, но я больше не позволю себе нервного срыва на глазах у всех. Гас дважды стукнул по крыше машины:

– Прокатная тачка, чувак. Откуда ты ее выцепил? От какой-то разведенки?

– Украл у твоей мамыши, Гас. Хотя она предпочитает дру-

гой вид езды, верно?

Гас покраснел. Не знаю почему, вернее, меня не волнует это. Они оба уроды.

Я развернулась и побежала назад в школу. Не могу больше здесь находиться, не могу дышать.

Гас кричит где-то позади меня, что я становлюсь тупицей и должна перестать тусоваться с Луной и ее подругами. Луна и Найт, Воун и Блис – дружная компания, которой плевать на то, кто что думает, они просто есть друг у друга – и есть я. Как иронично, если учитывать, что меня многие боятся и ненавидят.

Пробежав через футбольное поле, я влетаю в женскую раздевалку. Так как я опоздала на тренировку, то в ней уже пусто. Хлопаю дверью и закрываюсь в душевой кабинке. Скатываюсь по стенке с уродливыми граффити, некоторые из которых делала сама, и закрываю лицо руками. Дерьмо. Зачем я вспомнила Вию? Почему я такая тупая? Халк бился внутри грудной клетки, когда мы стояли там, и приказывал не показывать слабость.

Так почему я же чувствую себя такой слабой?

Я вытерла лицо, выпила бутылку воды и вышла. Сделав шаг, я сняла платье, положила его в шкафчик, достала тренировочную форму и захлопнула дверку. Вдруг перед глазами встало знакомое лицо.

– Бороться или бежать?

Я подпрыгнула от неожиданности, ударившись спиной о

шкафчики.

Пенн.

– Что за ерунда, Скалли?

Он стоит в женской раздевалке в школе, в которой даже не учится. Слово «Проблема» написано прямо у него на лбу, если бы мой отец обнаружил, что мы здесь вдвоем, то подвесил бы его яйца на флагшток около школы Всех Святых и сломал бы ноги.

Не говоря уже о том, что он снова видит меня голой.

– Отвечай.

– Бороться! Я всегда борюсь. А твоя девушка знает, что ты спал с Блис Ортиз и целовался со мной утром? – я улыбнулась, делая вид, что меня не задевает все это. Однако быстро пожалела о своем вопросе. Не хочу знать ни о Блис, ни о его девушке.

– Следишь за мной, Дарья? Я поцеловал тебя, чтобы доказать, что могу отыметь тебя тогда, когда захочу. Но это не имеет значения, так как я не хочу тебя. Моя очередь задавать вопросы. – Он сделал шаг навстречу, толкая меня к металлическим шкафчикам. Нельзя не сказать, что раздевалка довольно просторная и роскошная: шкафчики в цвет формы – черно-синие, – предки выложили тысячи долларов за хромированные раковины, стеклянные душевые кабины и скамейки.

Взгляд Пенна такой проникновенный, моя кожа начина-

ет покрываться мурашками. Такое ощущение, что он видит меня насквозь. Я выгляжу уродливо без загара, макияжа и туши. Ненависть разгоняется по моей коже, внутренностям и венам. Откуда у меня ее столько?

– Ты пытаешься казаться такой стервой или это твое обычное состояние?

И то, и другое. Я действительно завистливая и жалкая. Но становлюсь сукой, когда чувствую угрозу.

Но я лучше умру, чем откроюсь ему. Бросаю на него самый холодный взгляд, как Джонни Депп в фильме «Что гложет Гилберта Грейпа». Я взмахнула бы волосами, если бы он оставил больше пространства, но его тело почти прижимается к моему – если я двинусь, то коснусь его. Я хочу касаться его. И именно поэтому одновременно и не хочу.

– Когда дело касается тебя? – изучаю его лицо. – Я на самом деле такая, малыш.

Когда он продолжает упорно делать вид, что ему скучно, я придумываю насмешку:

– Ты начал все это. Гас думал, что мы были близки, поэтому захотел, чтобы я сыграла роль посредника. Но вы оба не могли прекратить насмешки надо мной. Я должна была просто стоять и терпеть?

– А разве не этим занимаются чирлидеры? – он усмехнулся.

– Ты идиот.

– А ты лгунья. Ты напала на меня.

– Зачем мне нападать на тебя? – я топнула ногой и мое колено коснулось его. Когда мы были на улице, то я успела заметить светлые волосы на ногах через дыры на джинсах. Уверена, что он великолепен, и бесит, что я не видела его голым, как он меня.

– Потому что ты прикольная детская кукла? Потому что думаешь, что ты королева, которая сует нос во всякое дерьмо? Потому что я ненавижу твою...

Я накрыла его губы своими в яростном поцелуе, чтобы заткнуть ему рот. Знаю, что я дерьмо, просто не хочу слышать очередную правду. Удивительно, но он не сопротивляется. Его руки ласкают лицо, губы накрывают мои в ответ. Ничего не понимаю. Обычно я не целую парней, которых практически не знаю. А особенно я не целуюсь с парнями, которых уже знаю. Поцелуй для меня – это что-то особенное. Хотя Пенна нельзя назвать незнакомцем. Я будто всегда носила его с собой, в моем камешке на шее, и теперь, когда он забрал его у меня, единственный способ заглушить влечение – это его внимание, его взгляд, его ярость и губы.

– Мой отец прикончит тебя, – с улыбкой произношу я, пока его язык снова пробирается между моими губами.

– Ты не можешь положить сметану перед изголодавшимся котом и ждать, что он будет смотреть в другую сторону.

Его дыхание прерывистое, руки большие, крепкие, но такие теплые и родные. Пальцы касаются моего лица, шеи, волос. Он слегка тянет за них, заставляет выгнуться, посасы-

вая нежную кожу на шее до тех пор, пока из меня не вырывается стон, когда он оставляет засос. Радость разрывает меня изнутри. Вкус Пенна у меня во рту – сладкий и опасный. Я ощущаю вкус калифорнийского солнца, зубной пасты и немного пота. Наши языки сплетаются в страстном танце. Я уже не уверена в том, что чувствую – радость или грусть. Но что бы это ни было, я чувствую себя живой.

Животом ощущаю его эрекцию, как вдруг реальность врывается в мой мозг. Я слышу скрип открывающейся двери. Сначала я подумала, что зашел кто-то из членов команды, но Пенн буквально прилипает ко мне, прикрывая полу-голое тело, я понимаю, что жажду его прикосновений и губ, но он не хочет просто целоваться – он защищает меня.

Я моргаю, пытаюсь протрезветь.

– ...вам придется много объяснить, – металлический голос врывается в комнату, словно ядерная война, заставляя глаза открыться.

О, Маркс.

Когда я поворачиваю голову, то в проходе вижу директора Причарда. Он один, но лучше бы вся школа увидела, как я целуюсь с капитаном команды Лас-Хунтас. Пенн встает передо мной, наклоняясь ближе к директору Причарду так, что я остаюсь прикрытой. Вместо извинений или объяснений он лезет в задний карман, достает жвачку и бросает в рот, кидая обертку на пол.

Думаю, он только что открыл новый уровень крутости.

Воун и Найт вряд ли когда-нибудь достигнут подобного.

– Директор Причард, – во рту словно куча ваты. Директор смотрит на меня с таким гневом, от которого начинают гореть щеки. Я не должна чувствовать себя виноватой перед ним, но что-то во всем этом есть неправильное. Несправедливое.

– Пенн Скалли, – он щелкает языком, – когда я приглашал вас в команду, то имел в виду футбольную, а не группу поддержки. Не думал, что вы отправитесь на экскурсию без предупреждения.

– Мне следовало вас предупредить, – Пенн хлопает жвачкой и проводит рукой по волосам.

– Отойдите от мисс Фоллоуил.

– Только после того, как вы отвернетесь, – отвечает Пенн.

К моему удивлению, директор отводит взгляд. Все начинает принимать не очень хороший оборот, поэтому я решаю исправить ситуацию:

– Это я, – останавливаюсь перед Пенном до того, как он сделает ситуацию еще хуже. – Я привела его сюда, это была моя идея.

Они оба смотрят на меня с удивлением. Мне все равно, как низко я паду, моя репутация и так подпорчена из-за директора Причарда тем, как я позволяю со мной обращаться. Кроме того, я действительно дерьмово себя чувствую из-за ситуации с Вией.

Хочу искупить то, что я сделала с сестрой Пенна, я ведь

не монстр.

– Он здесь, потому что захотел приехать сюда. Он полностью контролирует свои две ноги, – хмыкнул Причард.

– Три, если считать самую важную, сэр, – Пенн потер щеку, и нотка безразличия появилась в его голосе.

Он цепляет Причарда... Нереально.

– Он здесь, потому что я проиграла пари и должна была поцеловать бандита. Мы уже закончили, – сказала я, натягивая укороченную юбку и топ. Но так и не осмелилась поднять глаза, чтобы проследить за их реакцией. Это ложь, но только так я смогу успокоить Причарда и спасти Пенна.

Причард сузил глаза и внимательно посмотрел на Пенна.

– Я недоволен, что вы так отвечаете мне, молодой человек.

Пенн закатил глаза с видом, будто нереально зол.

– Пенн, – шепчу я, сжимая ткань его футболки. Он убивает руку, все еще смотря на директора. Взгляд его бесстрашен, и я понимаю, что он не просто привлекает меня – я ему завидую.

– Если я еще раз увижу тебя на территории школы, то сообщу властям, – директор Причард оборачивается, тело его напряжено.

Я бегу за ним, как вдруг Пенн хватает меня за запястье. Его змеиные глаза задают немой вопрос, ответа на который нет.

Что за фигня?

– Я получила то, что хотела, – зевая, я скинула его руку. –

Если захочешь убраться или почистить шкафчики, то швабры в той комнате.

Прогулка до кабинета Причарда казалась невероятно долгой и тихой. Когда мы заходим в его кабинет, он говорит, чтобы я забыла о тренировке на сегодня.

– Эсме прикроет тебя. Она становится довольно умной, когда дело доходит до получения желаемого. Кроме этого, у нас есть кое-какое дело.

Он закрывает дверь. Мое сердце начинается биться в два раза быстрее. Этот щелчок еще никогда не звучал так громко в моей жизни.

Глава пятая

*Ты заставила меня возвыситься,
хотя вела себя так мелочно.*

*Я хочу спрятать тебя ото всех и защитить от
самой себя.*

Пенн

– Эй, Пенн, слышал, что твои яйца еще мягче, чем у Тома Брэди. Может, стоит их использовать для снятия стресса?

Какой-то недоумок из Всех Святых рыгнул позади меня, сжимая пустую банку из-под энергетика и бросая в сторону нашей команды. Мы стоим друг напротив друга в долбаном туннеле, ведущем к полю. Да, у них есть туннель, будто это высшая футбольная лига. В целом у них все было оборудовано по полной программе, их предки, по всей видимости, выложили огромное состояние. Тем не менее наша раздевалка, предназначенная для гостевой команды, закрыта из-за за топления (читай между строк: Гас повел себя как обычно). По этой причине мы стоим в одном туннеле. Все вместе.

Игрок школы Всех Святых потерял сознание, как сучка, – здесь слишком жарко, бормотал он. Тренеры засуетились в попытке вызвать «Скорую» и быстрее найти ему замену.

Это первая игра сезона, и мы должны сделать чертовски крутое шоу еще до того, как выйдем на поле.

Наша команда не проигрывала никогда за последние пять лет. Пять долбанных лет. Так что затопим этот корабль за пару секунд.

Тренер Хиггинс вчера давал интервью для местной газеты. По его словам, если мы сосредоточимся, то победа у нас в кармане. Однако при нас он не показывает такого оптимизма и оказывает чести меньше, чем оказал бы козлам в футбольной форме. Это отстойно, учитывая, что мы лучшие в штате.

Перед игрой тренер сказал, что я должен сохранять голову холодной, а ноги горячими – никак не наоборот. Он в курсе, что противники прекрасно владеют манерой нести всякую чушь, но, кроме Найта, в защите никого нет: их игра слишком предсказуема. В мои планы не входило примирение с Гасом, но тренер настоял на том, чтобы мы положили конец соперничеству за пределами поля. Но я совсем не ожидал, что он притащит гластика с собой.

Мы не разговаривали со вчерашнего поцелуя в раздевалке. Мы избегали взглядов, когда сталкивались в коридоре, делали уроки на кухне, старались игнорировать друг друга, пока Бейли несла всякую чушь на протяжении двух часов.

Но Дарья вступилась за меня перед Причардом – никто и никогда еще не делал ничего подобного, – я понимаю, что она говорила дерьмовые вещи тогда, чтобы скрыть хорошие намерения, поэтому меня не смутило оправдание, которое она придумала. Было что-то жалкое в том, как она отреагировала на домыслы, будто у меня есть девушка, но при этом

позволила так с ней обращаться. Впрочем, она избалованная, богатая девчонка. Почему бы мне не воспользоваться этим?

Я не отрывал взгляда от поля, когда Дарья исполняла номер со своей командой. Ее миниатюрные юбка и топ с трудом прикрывали грудь и попку, и я знал, что не единственный, кто это заметил. Это словно смотреть на стереокартинку – задний фон размывается, а одна деталь начинает выделяться.

Цвета Лас-Хунтас красный и белый – поэтому очень легко увидеть, что на трибунах наших болельщиков абсолютный ноль. А что в Тодос-Сантос с другой стороны? В городе закрыт каждый второй магазин и висят таблички: «Закрыто. Ушли на игру».

Большинство же людей с нашей стороны сейчас в пути на ночную пятничную смену. Однако упорный труд – это то, на что у половины населения города, кажется, аллергия.

Я поднял взгляд на трибуны и заметил Джейми, Мел и Бейли. Они сидели рядом со своими соседями, и на них были кепки команды школы Всех Святых и футболки винного оттенка. Футболки были надеты наизнанку, поэтому никто не знал, что на них, кроме меня. Это мои футболки, с номером двадцать два.

Сильвия и Пенн всегда выходят в двойках.

Версия меня из школы Всех Святых, просто чуть менее привлекательная. Они называют меня дважды два – дважды

ГОВНЮК.

Прошлой ночью ко мне подошла Мел и рассказала, что наняла людей, которые пытаются выяснить местонахождение Вии. Она спросила меня про родственников, у которых она может быть. Я рассказал про отца и бабушку, которые кочевали из города в город, изображая собой посланников христианской веры; о тете из Айовы, которую я уже сам проверил; о двоюродном дяде из Огайо, с которым мы никогда в жизни не виделись.

Семейство Фоллоуил неплохие люди. Вот только проблема в том, что они настолько сильно пекутся о моей заднице, что скоро все откроется. Они и так уже сделали все, чтобы люди начали подозревать, что я с ними живу. Осталось только тату на лбу набить. Серьезно? Они надели красные футболки?

К счастью, они только что закупили форму и оборудование для всей моей команды, так что все могло сойти за жест благотворительности.

– Чего это Скалли улыбается? Вспоминает лучшие моменты с его любимым дилдо? – Гас плетется позади меня, Камилло переступает с ноги на ногу, касаясь меня плечом. Он хочет ответить, уверяю, я хочу этого не меньше.

А улыбался я по причине того, что, когда Дарья исполняла трюк, ее пресс и попа выглядели настолько соблазнительно, что мой член чуть не вырвался из шорт и не убежал к ней поздороваться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.